Слепой. Один на один

Автор:
Андрей Воронин

Слепой. Один на один

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #40

Внештатный агент ФСБ Глеб Сиверов, по кличке Слепой, оказывается один на один с сильным, изобретательным противником. Но прежде чем вступить в финальную схватку, герою придется распутать целый клубок преступных интриг. Враг хитер и безжалостен он устраняет всех, кто становится у него на пути. Но в противоборстве с ним – лучший из лучших, и исход предрешен.

Андрей Воронин

Слепой. Один на один

© Составление. Оформление. ООО «Харвест», 2008.

Глава 1

– Ну что там? Может, пора?

В голосе парня чувствовалось явное нетерпение. Что было, впрочем, неудивительно – за время долгого ожидания он успел основательно замерзнуть.

– Терпи, Шрам, мать твою… Не маза еще, – невнятно пробормотал его приятель, пряча лохматую башку в ворот грязной китайской куртки.

– Да когда ж оно, в натуре, маза-то… – шепотом возмутился Шрам. – Скорей бы!

– Терпи, мать твою, самого достало!

Эта ночь казалась им бесконечной. Вначале, часов до трех, они таскались по Питеру, почти не заходя в забегаловки, а теперь вот пришли сюда и зависли в этом унылом подъезде, умирая от скуки. Разговор уже давно как-то не клеился, да и похмелье напоминало о себе.

Победить его новой порцией бырла Шраму и старинному его корешу Лычу не давал Иваныч – их новый пахан, не так давно нарисовавшийся на горизонте. Его они сильно уважали и поэтому слушались – как слушались прежде только смотрящего по камере.

Вот и пришлось вместо того, чтобы плавно разогреваться поддачей, мерзнуть тут фиг уже знает сколько.

– Спокуха, братва, без самодеятельности, – одернул их Иваныч. – Тяжело в ученье – легко в бою.

– Так когда, когда пойдем? – заискивающе спросил Лыч, почесывая грязной лапищей свою небритую физиономию.

– Спокуха, без кипиша, – сквозь зубы процедил Иваныч. – Как скажу, так и двинем.

– А почему не сейчас?

– По кочану. Непонятливый, мля.

– Что? – Шрам как раз прикуривал чуть дрожащими пальцами смявшуюся в кармане «астрину» и поэтому не расслышал грозный шепот своего командира.

– Буев сто. Я же вам уже все объяснил, – чуть повысил голос Иваныч. – Этот кент встает в начале пятого. Нам надо, чтобы он уже проснулся, зубы почистил и все такое. Поэтому раньше половины мы в его дверь звонить не будем. А то спугнем ненароком.

– А сколько щас? – спросил Лыч.

– Чего? – не понял Иваныч.

– Ну, сколько там уже натикало?

– Сейчас без десяти четыре, – нарочито бесстрастным голосом отчеканил Иваныч. – Выходим через сорок минут.

– Мать твою, сорок минут…

Лицо Шрама искривилось, выражая этим полную безнадегу. Он зло сплюнул на бетонный пол и тут же растер плевок обутой в порванный кроссовок ногой.

– Мужики, а может, мы пока за бухлом сгоняем? – просительно пробормотал Лыч. Похмелье тоже держало его в крепких материнских объятьях.

– Нет, братва, суетиться не надо, – отрезал Иваныч. – Лучше вот… займитесь чем-нибудь полезным. Скажем, ствол проверьте.

– Да порядок, начальник, порядок, – Лыч вытащил из-за пазухи обрез, медленно повертел эту штуку в руках и передернул затвор. – Вот с головой непорядок совсем.

Иваныч на секунду призадумался. Судя по всему, он думал о своих подельниках, причем что-то не очень хорошее.

– Ладно, кореша, остограмьтесь, – наконец, ласково изрек он.

– Щас, начальник, я быстренько сбегаю. Тут за углом есть ночник, я знаю… Только дай мне бабла, я с выручки все верну.

– Нет, Лыч, бегать никуда не надо, – остановил его грозный командир. – А то еще засечет тебя кто-нибудь. Смотри, фокус! Оп-па!

Невесть откуда в правой руке Иваныча вдруг возникла непочатая поллитровка. Лыч тут же схватил бутылку и жадно сделал первый глоток – прямо из горла.

* * *

С этим приличного вида и явно тертым корешем они со Шрамом познакомились совсем недавно – буквально вчера вечером. Или позавчера… и с утра?

Впрочем, какая уж тут разница?

Последние часов двести их жизни сплелись в один липкий комок – совсем как дешевые пельмени в размороженной пачке. Сначала они пили в каком-то грязном пивняке в родном Колпино, потом, помахавшись с двумя залетными барыгами, двинули с братвой на чью-то хату, более похожую на бомжатник. Потом, наутро, насшибали у малых баблоса и, прикупив чернила, бухнули его прямо на лавочке в привокзальном сквере, за что их, совсем уже никаких, забрали в ментовку и хорошенько там отдубасили…

Продолжили в том же духе. Когда Лыч вспомнил про свою работу, прошло уже суток четверо, и, значит, место грузчика на продуктовом рынке было им безвозвратно утеряно. По этому поводу решили выпить.

Кстати, главным поводом для загула стало то, что Шрам откинулся. С Лычом еще со времен «пэтэушного» отрочества они были друганами – что называется, водой не разольешь. И по жизни всегда шли вместе. Вместе вылетели из ПТУ, вместе занялись делами посерьезнее учебы на механизатора, вместе в каталажку попали.

Поэтому Шрам даже немного обиделся, когда его подельнику влепили не пять лет, как ему самому, а всего четыре.

Но вот он вышел на свободу, и их жизненные пути снова объединились. Под аккомпанемент русского шансона друзья решили заняться подходящим дельцем, как только для этого представится возможность.

И она появилась без промедления. Никто из них уже и не вспомнит, как именно нарисовался этот толковый кореш. Может, он подсел к ним за столик в какой-нибудь тошниловке, а может, они попросили у него пять рублей возле овощняка на районе. Кто его знает?

Но кент он был суперсерьезный, это без базара. И занимался явно чем-то более крутым, чем взломы киосков и банальный «гоп-стоп», чем промышляли до своей посадки Шрам с Лычом.

Узнав о том, что ребята томятся без работы, Иваныч вроде бы как сразу обрадовался. И предложил им дело.

Как выяснилось, он собирался поднять одну круто упакованную хату. И нуждался в помощниках.

Сказано – сделано. Друзья на радостях раздавили пузырь и обговорили кое-какие подробности предстоящего дела.

* * *

– Ну, братва, кажись, пора! – подзадорил Иваныч повеселевших коллег. – Уже двадцать пять минут. Пора занять диспозицию.

О том, что такое «диспозиция», ханыги не знали, но тут же радостно повскакивали с батареи, оставив под ней только что опустошенную бутылку.

Небольшая пробежка по морозному предутреннему Питеру – и они уже стояли возле железной двери, защищенной кодовым замком. Склонившись, Иваныч поколдовал над ним, и через минуту дверь пикнула и отворилась.

– Значит так, – напутствовал своих подчиненных главарь. – Все только по моей команде. И никакой самодеятельности.

Стараясь не шуметь, они поднялись на третий этаж. Это был старый дом – нестандартной планировки, с высокими потолками и запутанным лабиринтом коридоров. Как прежде бывало принято, парадный вход оберегал от

посторонних консьерж. Но проникнуть в дом через черный ход, оставшись незамеченным, было проще простого.

– Так, скройтесь из виду, – скомандовал главный. – Я иду сначала один, а вас позову, когда будет надо.

Подойдя к солидной дубовой двери с номером 38, Иваныч нажал на звонок. Глазок системы видеонаблюдения тут же отразил его образ – вполне внушающий доверие.

– Кто там? – бодро отозвался за дверью чей-то низкий голос.

– Абрам Моисеевич? – немного смущенно пробормотал визитер. – Это аспирант Кольского. Я вам статью принес на рецензию.

– А, статью, – весело ответил хозяин квартиры. – Сейчас, сейчас, открываю.

– Вы уж извините, что в такое время, – полушепотом тараторил Иваныч. – Но у меня поезд, и мне сказали, что вы не спите уже.

– Конечно, не сплю, – во весь рот улыбнулся Абрам Моисеевич. – Я ранняя пташка. Кто рано вста…

Только сейчас хозяин заметил, что в облике молодого человека, которому он секунду назад открыл дверь, кое-что изменилось. Теперь в руке «аспиранта» был длинный пистолет системы Стечкина, оснащенный глушителем.

Но удивиться этому престарелый академик, увы, не успел.

Пуля попала ему прямо в висок. Хозяин стал медленно оседать на пол, задев рукой стоявшую в прихожей китайскую вазу. В последний миг своей жизни он хотел закричать, но изо рта вырвался лишь тихий хрип – вместе со струйкой крови.

Аккуратно закрыв за собой дверь, визитер не целясь сделал еще пару выстрелов – хотя кому как не ему было не знать, что в этом нет решительно никакой необходимости.

– Абгаша, ты уже встал? – из глубины квартиры послышался заспанный старческий голос с характерным прононсом. – Абга-аша, иди-ка сьюда! Кьто это заходил?

Убийца медленно и бесшумно пошел по устланному индийскими коврами коридору, держа пистолет наготове. Освещение было тусклое – всего лишь одна лампа с кованым абажуром у входа в кухню, – и Иванычу следовало быть осторожным, чтобы не наткнуться на полки с книгами, которыми здесь все было заставлено.

– Абгаша, ты где? – не унималась супруга покойного. – Пгинеси-ка мне пегсик из холодильника.

Иваныч тихо приоткрыл дверь в спальню, откуда доносился голос.

– Ну что, несешь, да?

Увидев на пороге своей комнаты незнакомого мужчину, заспанная хозяйка аж обомлела от страха. И это было единственной причиной, почему она не закричала.

Иваныч работал хладнокровно – как человек, который точно знает, чего хочет. Он задумал уложить свою жертву примерно с третьей-четвертой пули – не сразу наповал, но и не растягивая ее агонию.

Как только старушка затихла на залитой кровью постели, убийца снова вышел в прихожую и огляделся. «М-да», – произнес он, скептически покачав головой. Интерьер был явно не в его вкусе.

Вся огромная трехкомнатная квартира от пола до потолка была забита всякими безделушками: огромный турецкий барабан, фигура пигмея в полный рост, гжель за стеклом… Иваныч знал, что хозяин очень любил путешествовать и разные вещички для своей коллекции привозил из командировок.

Но главного пока отыскать не удалось.

Иваныч открыл дверь в кабинет. На заваленном бумагами обширном дубовом столе горела настольная лампа. Рядом примостился ноутбук, на экране которого суетились какие-то совершенно непонятные формулы.

Аккуратно посветив на стены своим фонариком, Иваныч убедился, что там ничего не было – если не считать, конечно, фотографии, на которой Абрам Моисеевич был изображен в компании с таким же стариком, но с короной на голове.

– Неужели их нет? – чуть слышно пробормотал Иваныч. – Ищи, приятель, ищи.

Он неспешно вернулся в коридор и двинулся по нему дальше. Следующая дверь была в гостиную – пальмы, плетеные кресла, статуи… Все это больше походило на декорации к фильмам по произведениям русских классиков, а не на комнату в современной квартире.

Впрочем, незваному гостю было не до лирики. Он включил свет и стал внимательно исследовать стены, сплошь завешанные картинами.

Одну из них, представлявшую собой портрет только что убитого им пожилого мужчины в костюме средневекового алхимика, он оставил без внимания. Так же, как и красный флаг с надписью «Небо». Но как только его взор коснулся нескольких небольших полотен, на которых были изображены люди, летающие над крышами домов, настроение Иваныча тут же резко улучшилось.

– Кажется, нашел, – сказал он. – Ну все, пора возвращаться. А то отморозки заждались.

Он открыл входную дверь и жестом позвал томившихся на лестничной площадке подельников.

– Э, да тут мокруха, – пробормотал Шрам, спотыкаясь о распластанное в прихожей тело хозяина квартиры.

– Ну, шеф, может, и не стоило… – согласился с ним Лыч, которого тоже охватил страх.

– Стоило, братва, еще как. Мы свидетелей не оставляем.

Как только два друга увидели интерьер этой квартиры, они сразу забыли о том, что стали соучастниками убийства. Причмокивая языками, Шрам с Лычом тут же начали прикидывать ожидавшую их прибыль.

– Так, ребята, доставайте сумки, – командовал Иваныч. – Берите там ноутбук, поищите мобильники. DVD-плейер тоже ничего. Эту штуку прихватите. Ну, за дело!

Друзья, с восхищением рассматривавшие инкрустированный золотом ятаган на стене прихожей, выдрали его с корнем, бросили в одну из громадных спортивных сумок и тут же ринулись грабить квартиру.

– Эй вы, без шума! – чуть повысил на них голос Иваныч. – И быстро давайте.

Радость двух бандитов была по-детски неподдельной. От волнения они даже сломали изысканный черный кувшин, стоявший на секретере в гостиной.

Впрочем, горевать им по этому поводу не пришлось – среди осколков кувшина оказалось несколько золотых кулонов. Другие драгоценности нашлись в ящике секретера.

– Интересно, а где эти жиды свои шекели прячут? – пробормотал Иваныч, появляясь на пороге гостиной.

– Че прячут? – не понял Шрам.

– Ну, баксы. Может, в кабинете поищите. А я пока пару этих картинок подрежу.

– Да на хрена они тебе? – удивился Лыч.

– Для бабы одной. Она от такой муйни прямо ссытся.

Оба приятеля тут же бросились к письменному столу и стали активно его потрошить. Денежный запас был найден на удивление быстро, и хотя составлял всего пятьдесят восемь тысяч рублей и пару сотен евро, братва была без ума от

счастья. Ни Лычу, ни Шраму никогда в жизни не приходилось держать в руках и половины этой суммы.

– Эх, молодец Иваныч, молодец, – приговаривал Шрам. – На грамотное дело нас привел. Поднимемся сейчас.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнул, баклан, – остудил его Лыч. – Глядишь, снова в крытую хату загремишь, да еще и за мокруху.

– Не загремишь, – успокоил его Иваныч, появляясь в коридоре с большим пластмассовым футляром. – Ну что, бойцы, готовы? Пора валить.

Они осторожно захлопнули дверь и стали быстро спускаться по лестнице. Похоже, все жильцы этого дома еще спали, и визит грабителей остался незамеченным.

* * *

Ноябрьское утро, в которое преступники попали через дверь черного хода, встретило их неприветливо. Начинался еще один питерский день – серый и сырой. Город с нетерпением ждал зимы. Лужи в грязных подворотнях уже затягивало по ночам тонким слоем льда.

– Подождите, братва, – прошептал Иваныч, когда они отошли от подъезда метров на триста. – Щас, одну секунду.

Он опустил футляр на асфальт и вытащил из кармана полупальто свой пистолет. Подельники молча наблюдали за тем, как их шеф меняет обойму.

– Авось пригодится, – сказал тот, снова запихивая волыну в карман.

Пробираясь дворами и маленькими улочками, минут через двадцать они дошли до Литейного. Проспект был совершенно безжизненным и пустым, и фигуры манекенов в витрине какого-то бутика казались какими-то зловещими.

– Так, нам немного вперед, а потом направо, – сказал Иваныч.

– А почему туда? – полушепотом спросил у него Лыч.

– Там нас тачка будет ждать. Мой кореш.

– А че он прямо сюда не подъедет?

– Да дрейфит, наверно. Короче, такой уговор.

– Ты, Лыч, вопросов не задавай, – вступил в разговор Шрам. – Иваныч, он, знаешь, за базар отвечает.

Они медленно двинули по проспекту, тишину которого лишь изредка нарушали одинокие такси. Дойдя до перекрестка, Иваныч незаметно взглянул на часы и, казалось, немного обеспокоился.

– Эх, давайте перекур небольшой, что ли, – Иваныч остановился прямо посреди тротуара. – А то я чуть утомился. Да и отлить бы не мешало.

Лыч совершенно резонно предложил свернуть в темную улочку, и вся их компания притаилась за расположенным на ней комком. Выкурили по сигарете. Зловонный дым смешался с запахом свежей мочи. Шрам пожалел о том, что водяру они уже оприходовали.

– Ладно, братва, по дороге в ночник заедем, – поднял ему настроение Иваныч.

– Да, а то душа, мать твою, просит.

– И дело замыть бы надо, – вторил Лыч своему компаньону.

Они снова шли по Литейному. Теперь Иваныч двинул малость быстрее, да и подельники от него не отставали. Мысль о заслуженном отдыхе после успешной работы бодрила их даже больше, чем холодный утренний воздух.

– Может, коньяку взять, а, корефан? – спросил у своего друга Шрам. – Сегодня и шикануть можно.

– Возьмем, без базаров, – согласился тот. – Греческого, нормального.

– А как делить будем, кстати? – спросил у Иваныча Лыч.

– Поровну. Все по понятиям, – ответил тот.

Друзья аж прямо обомлели. Они не ожидали от него такой щедрости.

– Ну, это штук по семь, если сдуть товар выгодно, – промолвил Шрам.

Повернув, они чуть ли не нос к носу столкнулись с милицейским патрулем. Молодой лейтенант с автоматом и два старшины медленно прогуливались по пустым улицам безо всякой надежды встретить там кого-нибудь, представляющего для них интерес.

Поэтому увидев троих мужиков с огромными сумками, милиционеры сразу поняли, что это их клиенты.

– Так, ребята, документики ваши! – ликующе вскрикнул лейтенант.

– Братва, уходим! – закричал Иваныч, увлекая за собой своих коллег.

– Стой, стрелять буду! – послышалось у них за спиной.

Вернувшись на Литейный, они тут же свернули в одну из подворотен. Там как раз шло какое-то грандиозное строительство, и дворик слева от входа перегораживал высокий забор.

Дальше идти было некуда. Прятаться – негде. Ткнувшись в пару обеспеченных домофонами подъездных дверей, подельники это сразу себе уяснили.

– Ну, шеф, что делать будем? – нервно прошептал Шрам. Даже до его неразвитого сознания дошло, что положение их незавидное.

– Братва, не ссыте! – приободрил их Иваныч. – Завалим ментов, и весь базар.

Ответом ему были глаза подельников, полные ужаса. Но другого выхода у них, похоже, и правда не было. Не попадать же снова на нары.

Патруль был уже совсем близко. Из подворотни слышались голоса:

– Так, Вась, ты стреляй сразу. Предупредительный в воздух, а потом…

– Сейчас я подмогу вызову…

– Здесь они, здесь, никуда не денутся…

До встречи оставались считанные секунды.

– Так, Лыч, первый – твой, – скомандовал Иваныч. – Я беру остальных.

Не успел он отступить и укрыться за трансформаторной будкой, как из подворотни появился первый старшина.

– Эй, они здесь! – крикнул он своим, чуть от него отставшим. – А ну стоять!

Расстояние между ними не составляло и пяти метров, поэтому Лыч не мог промахнуться. Схватившись рукой за грудь, милиционер стал оседать в лужу.

– Ага, сука, получил! – воскликнул Лыч, но очередь из автомата лейтенанта уложила его на месте.

– Выходи руки за голову! – истошно вопил лейтер, появившись из подворотни с «калашником» наперевес.

Угол обстрела был выбран Иванычем так удачно, что преимущество оказалось явно не на стороне милиционера. Последний так и не понял, откуда вылетели те две меткие и беззвучные пули, которые оборвали его жизнь.

Иваныч тут же бросился в подворотню. Второй старшина что-то кричал в свою рацию. Убийца прицелился.

Один щелчок, потом еще и еще… Старшина, на лице которого все еще отражался испуг, схватился за сердце и осел на землю.

– Ну, Шрам, кажись готово, – голос Иваныча глухо резонировал в стенах подворотни. – Собирай вещички, мы сваливаем.

Шраму было явно не по себе. Ничего похожего на то, что произошло за последнюю минуту, он в жизни никогда не видел.

– А Лыч? С ним что?

– Ну, брат, мы за него отомстили, – негромко произнес Иваныч. – Положил я сук этих легавых. Бери сумку, уходим.

Шрам послушно взвалил на себя обе огромные сумки. Его шеф склонился над лейтенантом, сел на корточки и взял упавший АКМ.

– Ну что, сваливаем? – спросил Шрам. Ему не терпелось унести ноги.

– Да, я догоню.

Шрам прошел пару метров в сторону улицы, когда Иваныч вдруг его окликнул:

– Подожди секунду, ты кое-что забыл.

– Забыл? – обернулся Шрам.

И тут же получил очередь прямо в грудь.

– Иваныч, ты че?

На туповатом лице бандита отобразилось необыкновенное изумление. Он выругался матом и упал на асфальт, как мешок с картошкой.

Когда Иваныч подбежал к нему, чтобы вложить в руку парня свой пистолет с глушителем, их глаза встретились. Если бы убийца был более чувствителен, этот

взгляд произвел бы на него неизгладимое впечатление. Но впечатлительностью этот малый не отличался. Он резво подхватил свой футляр, бросился к забору, отодвинул одну из досок, проник в щель и был таков.

* * *

Отряд быстрого реагирования прибыл на место перестрелки пять минут спустя, но никому помочь уже не смогли. Лыч умер по дороге в больницу, а для остальных вызывали уже не «скорую», а судмедэкспертизу.

Тела академика Авраама Весселя и его супруги были обнаружены только вечером. Химик не пришел на научное собрание в своем институте, но никто ничего не заподозрил. После заседания у него была назначена встреча с Пригодиным, его давним другом, и когда Авраам Моисеевич не появился, приятель позвонил Весселю на мобильный.

Телефон зазвонил на столе у следователя Дмитриева – туда он попал из кармана Лыча. Через пару минут после этого милицейская машина уже мчалась к дому, где жил Вессель.

Телевизионщики были очень опечалены тем, что сенсационную новость о жестоком убийстве известного человека они не успели облачить в форму репортажа к выходу вечерних «Криминальных хроник».

Оперативникам понадобилось совсем немного времени, чтобы свести два эпизода в один и восстановить события недавней ночи.

– По моей версии, Игорь Федорович, события разворачивались так, – докладывал Дмитриев полковнику Цыбину из горотдела. – Граждане Башрамов и Колин, оба ранее судимые, проникли в квартиру академика…

– А как они туда проникли? – перебил его бдительный полковник. – В такую рань…

– На двери никаких следов взлома. Значит, им открыли. Не исключено, что сам хозяин. Впрочем, пока это еще до конца не ясно, надо проработать версии. Пойдем дальше. Ограбив квартиру, преступники двинулись по Литейному

проспекту, и там нарвались на патруль, который шел по своему маршруту. Преступники предприняли попытку бегства, но попали в тупик. Тогда они открыли огонь. В перестрелке все погибли.

– Слушай, Петрович, – полковник встал из-за стола и медленно прошелся по своему кабинету. – Сколько живу, не встречал таких раскладов, чтобы погибали все. Такого даже в кино не бывает.

Дмитриев пожал плечами.

– И что ты на это скажешь, а? Или ничего?

– Ну, ситуацию, в принципе, можно объяснить, – затараторил следователь. – Один бандит выстрелил из обреза в старшину Нахимова. Наповал. Лейтенант Павлов открыл ответный огонь и уложил Башрамова. Тогда второй… как там его?.. из пистолета выстрелил в…

– Кстати, еще одна деталь, – снова перебил его полковник. – Какие у этих кадров статьи? Разбой там, грабежи, да? А тебе не кажется, что они стреляют слишком хорошо для таких ханыг? Да и ствол тоже… Обрез – это я понимаю, а вот Стечкин…

– Нет, Игорь Федорович, со стрельбой у них не ахти, – ровным голосом ответил Дмитриев. – В жену академика раза четыре стреляли, да и то с близкого расстояния. Профессионалы так не работают.

– Может, ты и прав, – Цыбин снова уселся на свой стул и опустил голову на массивные ручищи. – Да и дорогой ствол, в принципе… Этим Питер уже не удивишь. Ладно, давай дальше толкай свою версию, извини, что перебил.

– Вот, дальше… Короче, этот второй… Колин, вроде бы… убивает лейтенанта и старшину Дичкина. Этот – тоже мне герой – даже ствол свой из кобуры не достал. Видно, думал, что без него обойдутся.

– Хорошо, так, а Колина кто тогда ухлопал, скажи на милость? Второго бандита?

– Все очень просто, – в голосе следователя чувствовалось легкое волнение. – Лейтенант еще жив был. Он приподнялся и выстрелил из автомата. Мы экспертизу проводили, так, по ее данным, все сходится. В Колина стреляли с очень странной позиции. Снизу вверх, высота над землей сантиметров двадцать. Короче, этот Колин убегать стал, а тут лейтер из последних сил…

– Молодец, – произнес полковник. – За такое надо представить к награждению. Эх, жалко, что посмертно.

* * *

Версию о том, что в этом деле участвовал кто-то еще – живой и пока неизвестный, – сначала рассматривали всерьез. Но поскольку она не находила подтверждений (к примеру, в квартире не было обнаружено никаких лишних следов), вскоре о ней забыли.

Это устраивало всех. Искать кого-то милиции совсем не хотелось. Поэтому дело, казавшееся всем ясным и прозрачным, как стакан водки, было закрыто и сдано в архив. Не сразу, конечно, а после того, как полежало с месяц без движения на столе у следователя.

…На следующее утро после происшествия о нем сообщили все телеканалы – как-никак, за одну ночь семь трупов! Но поскольку в тот же день случилось немало прочих событий – от очередной женитьбы Бельмондо до очередной же авиакатастрофы в России, – в вечерние выпуски новость уже не попала.

В «Московском комсомольце» появилась статья, где говорилось о том, что убитый академик коллекционировал живопись. Ему будто бы даже принадлежали оригинальные работы Шагала, доставшиеся по наследству от отца, который знал легендарного художника еще в витебский период его жизни. Но комментарий полковника Цыбина был безапелляционен: все похищенное удалось обнаружить, но ничего похожего на картины Шагала там не было.

Пару дней кряду о страшной бойне судачил чуть ли не весь Питер. К тому же Вессель был человеком известным – пусть себе и в узком научном кругу. Но прошло совсем мало времени, прежде чем страсти окончательно улеглись. Ведь жизнь большого города динамична, и она всегда перенасыщена событиями.

Глава 2

Одно время в этом уютном особняке позапрошлого века в центре Москвы размещался экспериментальный театр. Он занимал весь его третий этаж: зальчик без сцены мест на семьдесят, холл, гримерки… Там ставили оригинальные интерпретации Кокто, Беккета и Стоппарда. А новая версия «Трех сестер», где отношения между этими родственницами образовывали любовный треугольник, даже вызвала скандал.

Театр очень ценила московская богема, но вот со спонсорами у него как-то не ладилось, и это крайне негативно отражалось на банковском счете. Закончилось тем, что аренда была не уплачена, и когда задолженность достигла приличной суммы, хозяин здания посоветовал актерам упаковать вещички. Что им и пришлось сделать, несмотря на вялый протест общественности.

Вскоре в здании заработала дрель – там делали обычный евроремонт с элементами псевдовосточного кича. Через месяц после изгнания театра на третий этаж вселился массажный салон. Но, увы, ненадолго. Прошло всего пару недель, прежде чем его директор пошел под суд по статье, карающей за организацию наркопритонов.

Несмотря на то что директор очень рассчитывал на свои связи, вместо условного срока ему влепили пять лет строгого режима.

На третьем этаже снова стали делать ремонт. На стенах появились изображения мужественных культуристов, а грузчики целый день затаскивали по лестнице пятидесятикилограммовые блины для штанги и прочую мелочь.

Но и тренажерный зал там просуществовал относительно недолго. Дело в том, что жильцам второго этажа очень не нравилось, когда им чуть ли не на голову падала огромная гантель. У некоторых даже осыпалась штукатурка.

Поскольку многие из жильцов были людьми влиятельными, очень скоро грузчикам пришлось тащить те же самые блины в обратном направлении.

После этого третий этаж долго простоял пустым – к большой радости жильцов. А когда оттуда съехал и следующий его арендатор – редакция глянцевого журнала для мужчин, не выдержавшего конкуренции и напрочь разорившегося, – все стали поговаривать о том, что место это какое-то проклятое.

Желающих его снять не было месяца два, несмотря даже на то, что хозяева снизили арендную плату и повесили через весь этаж огромную растяжку, оповещающую о том, что он сдается.

Потом наступило лето – пора отпусков. Когда оно закончилось, появились рабочие и сняли растяжку. Вскоре вместо нее появилась не меньшего размера вывеска: «Золотой Лев. Аукционный дом».

* * *

Именно туда в этот все еще теплый сентябрьский день как мухи на мед слетались журналисты. Такого столпотворения возле особняка не наблюдалось уже давно – со дня премьеры скандальных «Трех сестер». Шикарные внедорожники парковались у его фасада один за одним, и оттуда, будто бабочки, выпархивали смеющиеся девочки с микрофонами наперевес и усатые дядьки-операторы, щеголявшие своими супернавороченными камерами. Они тут же принимались делать «стенд-апы», хотя говорить в кадр было пока еще нечего.

Газетчики были много скромней и добирались до особняка общественным транспортом. Между ними порой возникали оживленные дискуссии.

На добрых полчаса движение по парадной лестнице было целиком парализовано, и мирным жильцам дома приходилось выбираться из своих квартир по грязной запасной.

Когда волнение улеглось и все журналисты устроились в обитом ковровым покрытием зале на третьем этаже, миловидная шатенка, сидящая перед ними, взяла микрофон и заискивающим голосом стала озвучивать явно подготовленные заранее слова:

– Добрый день, уважаемые дамы и господа, меня зовут Тамара, я менеджер по связям с общественностью аукционного дома «Золотой лев». Темой нашей сегодняшней пресс-конференции стало событие, вызвавшее повышенный интерес в обществе. Да, похоже, многие взгляды на родную историю нам придется пересмотреть. А сейчас я имею честь представить вам участников нашей пресс-конференции…

Фотокоры насторожились и забегали по залу, выбирая удобный ракурс.

– Итак, на ваши вопросы ответят… Директор аукционного дома «Золотой лев» Владимир Турбин… Встречайте, пожалуйста.

В центр зала вышел мужчина лет сорока в старомодном, но очень стильном сюртуке и галантно, но высокомерно поклонился окружающим.

– И знаменитый российский ученый, доктор исторических наук…

– Философских, милочка, – оборвал ее вдруг чей-то дребезжащий старческий голос. – Философия для гуманитария – это поважнее истории будет. Закономерности – вот что важное, а…

– Итак, доктор философских наук Александр Павлович Кондратьев, – девушка ловко перехватила инициативу. – Как вы знаете, именно он способствовал возвращению оригинала уникального памятника письменности на нашу русскую землю. Об этом у вас написано в пресс-релизе.

Собравшиеся зашуршали бумажками. В шикарной папке с тиснением, изображающим готовящегося к прыжку льва, лежало несколько листочков. На первом из них крупными буквами было выведено:

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ПУСТЬ ЛЕГЕНДЫ БУДУТ РАЗВЕЯНЫ

Надев очки, престарелый корреспондент вечерки углубился в чтение. Его острый взгляд отмечал грамматические ошибки:

«Безусловно, «Слово о полку Игореве» является одним из ключевых памятников восточно-славянской письменности на раннем ее этапе. За последние столетия ученые неоднократно подвергали текст тщательнейшему исследованию, всякий раз встречая неразрешимые загадки и парадоксы. Но последнее сенсационное открытие свидетельствует о том, что все они были на заведомо ложном пути.

Как известно, видные ученые уже и раньше подвергали сомнению подлинность дошедшего до нас текста «Слова». Список Мусина-Пушкина таит в себе множество казусов. Поэтому нередко утверждалось, что он является не более чем фальсификацией.

Теперь об этом можно говорить более чем определенно. Ведь вскоре вниманию общественности будет представлена куда более ранняя копия «Слова о полку Игореве», а возможно, даже его оригинал. Она датирована 14 веком.

Находка станет настоящей сенсацией. Интересно узнать и о том, как она попала в нашу страну.

Видный ученый современности, кандидат филологических наук Александр Кондратьев уже давно мучился проблемой подлинности памятника письменности. Согласно его теориям, писать на Руси научились намного раньше, чем это принято считать, а авторами кириллического алфавита были совсем не Кирилл и Мефодий, а языческие волхвы. Потом христианство, придя на наши земли и разрушив нашу культуру, просто позаимствовало этот алфавит.

Однажды Александр Павлович отправился на конференцию в Берлин. Там он познакомился с русским эмигрантом Алексеем (фамилия по просьбе ее владельца не разглашается). Алексей пригласил ученого к себе домой и показал ему, среди прочего, древнюю книгу, купленную еще родителями в какой-то букинистической лавке.

Алексей не сильно разбирался в древней письменности, и поэтому он даже представить не мог, какая важная вещь попала в его руки. Он и вспомнил о ней как будто бы между прочим – между чашками чая и разговорами о том о сем.

Но великого ученого книга сразу заинтересовала. Сначала он, конечно, не мог поверить своей удаче. Но потом, когда рукопись прошла экспертизу, сомнения развеялись. Кондратьев пришел к однозначному выводу, что перед ним –

древнейшая копия культового памятника российской словесности.

После этого Александр Павлович начал изучение книги. Его совсем не удивило то, что текст «Слова» сильно отличался от общеизвестного. В частности, там были прямые отсылки к ведическим знаниям, а князь Игорь ходил походом на христиан, чтобы защитить свою веру от их вероломного вмешательства.

Кондратьев уже давно знал, что все исторические источники были фальсифицированы монахом Нестором для того, чтобы у русских и воспоминаний не осталось о своих древних корнях. И вот эта находка, безусловно, подтверждала его смелые гипотезы.

Впоследствии Кондратьеву удалось узнать историю этой уникальной книги. Оказывается, на протяжении многих столетий она бережно сохранялась наследниками волхвов на Псковщине. Когда туда пришли немецко-фашистские войска, книга попала к офицеру СС Вольфгангу Грюмеру. Он вывез ее в Германию. В апреле 1945 года Грюмер попал в плен к французам, и на свободу уже так и не вышел. Его сын отнес книгу в антикварную лавку, чтобы заработать хоть какие-нибудь средства для пропитания. Там ее за смешную для такого раритета сумму приобрел в конце сороковых отец Алексея, работавший в контрразведке.

Узнав о том, какую ценность представляет случайно попавшая к нему книга, ее владелец решил продать ее с аукциона «Сотби». Но доктору Кондратьеву удалось убедить его привезти этот уникальный памятник на Родину – в Россию. Ученый даже подыскал надежный аукционный дом, способный взять на себя функцию посредника в этом сложном деле. Им стал «Золотой лев», чей директор, известный российский искусствовед Владимир Турбин, выразил горячую готовность стать посредником между владельцем уникальной книги и потенциальным покупателем.

Можно только предполагать, какой резонанс вызовет в обществе публикация истинного «Слова о полку Игореве», избавленного от вмешательства позднейших фальсификаторов. Аукционным домом «Золотой лев» уже достигнута предварительная договоренность с владельцем книги».

Последний абзац текста был напечатан большим кеглем:

АУКЦИОН, НА КОТОРОМ УНИКАЛЬНАЯ КНИГА НАЙДЕТ СВОЕГО ПОКУПАТЕЛЯ, СОСТОИТСЯ 28 ОКТЯБРЯ. ПЛАНИРУЕТСЯ, ЧТО ЕЕ НАЧАЛЬНАЯ ЦЕНА СОСТАВИТ 800.000 ДОЛЛАРОВ США.

«Не такие уж и большие деньги», – подумал седовласый газетчик. В его издании по различным поводам фигурировали куда более впечатляющие суммы.

* * *

Пресс-конференция была в самом разгаре. Журналисты соревновались в остроумии:

– Анна Москвина, журнал «Космополитен». Правда ли, что если верить этому «Слову», у русских князей было по нескольку жен? Есть ли там описания интимных процессов?

Кондратьев откашлялся и зарядил своим дребезжащим голосом грустную песню:

– Знаете ли, вопрос сексуальной этики у древних арийцев по-прежнему нуждается в научной проработке. Относительно полигамии некоторые сведения сохранились, намек на это есть и в тексте настоящего «Слова о полку Игореве». Народы, исповедующие солярные культы, характеризовались другой аксиологической системой, сильно нарушенной иудео-христианскими представлениями о целомудрии. Да и, в общем…

– Как вы знаете, наши предки в плане этого дела были ого! – перебил его Турбин. – И внимательно читая «Слово», об этом тоже можно сказать. Вообще, в научной литературе описан эпизод, когда один юноша в Купальскую ночь удовлетворил пятнадцать девушек, и каждая из них зачала.

– Спасибо! – подруга из «Космополитена» выключила свой диктофон. Все остальное ей было совершенно до лампочки.

– А какие вы предъявите доказательства, что эта книга не очередная фальшивка? – в наступление пошел безбородый юнец из одной полубульварной газетки.

– Фальшивка?! – взвыл доктор, приходя в бешенство. – Да как вы смеете?

– Фальшивка, молодой человек, – это то, что вы проходили в школе, – спокойно перебил его Турбин. – Уважаемый ученый, посвятивший теме древних рукописей всю свою жизнь, тщательно исследовал свой предмет. И пришел к выводу, что это самый настоящий подлинник.

– А проводилась ли экспертиза другими учеными? – спросил интеллигентный мужчина в очках. – Я имею в виду химическую экспертизу, изучающую свойства чернил…

Профессор уже открыл было рот, чтобы снова оскорбиться, но микрофон у него из-под носа снова увел Турбин:

– Только предварительная. Пока хозяин рукописи согласие на полную экспертизу не дает. Это его право. Но несколько других известных ученых подтвердили выводы глубокоуважаемого Александра Павловича, это зафиксировано документально.

– Так как же вы продаете вещь без экспертизы? – снова встрял хамоватый юноша.

– Повторяю еще раз, – спокойно отвечал ему Турбин, чью уверенность в себе поколебать было практически невозможно. – Некоторые экспертные заключения мы уже получили. И поскольку им полностью доверяем, то сочли, что этого предостаточно.

– А если клиент не поверит? – не унимался парниша.

– Значит, он просто уступит этот лот тому, кто более доверчив, – чуть повысив голос, отчеканил Турбин.

– Скажите, а есть ли гарантия того, что оригинал «Слова» останется в России? – поднял руку старый газетчик.

– Вероятность стопроцентная. Вывезти эту уникальную книгу из страны никому не позволит наше законодательство. Поэтому она совершенно точно останется у

нас.

– А ввезти? – юноша уже стал всем надоедать.

– Ввезти было проще.

– То есть ее ввезли с нарушением закона? Если можно, поподробнее.

Турбин чуть повысил голос:

– Молодой человек! Никто законов не нарушал, тем более мы. Во-первых, законодательство Германии в этом плане более либеральное, во-вторых, тогда «Слово» еще проходило по графе «неизвестная книга на старославянском языке» – сюда она ехала вовсе не как уникальный памятник литературы. А в-третьих… Если вы или кто-то еще и впредь станет позволять себе такие высказывания, я буду вынужден принять меры.

При этом он покосился на бесстрастного охранника, стоявшего у дверей.

На журналистов это подействовало. Сразу после окончания пресс-конференции был запланирован шикарный фуршет, и пропускать его по вине своего острого языка ни в чьи планы не входило.

– Скажите, а есть ли уже желающие купить? – голос с галерки прервал неуклюжую паузу.

– Да, – ответил Турбин. – К нам обращаются разные люди. Среди них есть и очень известные – политики, бизнесмены. Скажем, Виктор Петрович Рыхлин, первый зам председателя партии «Российская Новь». Думаю, сама эта фамилия говорит о многом.

– А есть ли возможность того, что «Слово» будет куплено государственными учреждениями? – спросил седовласый журналист.

– Да где им, – побормотал профессор. – Зачем им это надо? Там же одно жидовье.

– Да, безусловно, – чуть сконфузился Турбин. – Мы не исключаем никаких вариантов. Да и, собственно, не в нашей компетенции предсказывать события. Ведь аукционный торг – процесс непредсказуемый. Кто даст большую цену, тот и выиграет лот. Это древние правила, и они до сих пор неизменны.

– Но может ли так случиться, что это уникальное произведение окажется недоступным для широких слоев населения? – спросила немолодая женщина с кудряшками.

– Вполне, – Турбин развел руками. – Мы уже получили сведения о том, что этот экземпляр «Слова» попытаются заполучить те, кто хочет воспрепятствовать его изучению. Лично мне будет очень жалко, если именно так и случится, и уникальный памятник письменности просто уничтожат. Но увы. Повторю, я выступаю всего лишь в роли посредника между покупателем и продавцом.

– Надеюсь, его купит русский человек, – твердо сказал престарелый ученый. – Человек, который жаждет узнать правду о своей истории. Который способен ее услышать. И книга все-таки станет достоянием общественности.

– Еще вопросы, – после небольшой паузы вступила в разговор девушка.

Вопросов больше не было. Проголодавшиеся журналисты стали дружно спускаться в ресторан на первом этаже, где их уже ждали рыба в кляре и шампанское.

Глава 3

Непонятно, чего ждал таксист, вот уже битый час торчавший у небольшого гастрономчика на самой окраине Москвы. Ведь не такое это было бойкое место, чтобы отыскать здесь выгодных клиентов.

Впрочем, один желающий уехать на машине с шашечками все-таки нашелся. Парень в кожанке и спортивных штанах подошел к потрепанной «Волге», открыл переднюю дверцу и собрался уже было плюхнуться на сиденье.

– Простите, молодой человек, вам чего? – остановил его таксист.

– Мне к Белорусскому вокзалу. Боюсь на поезд опоздать, так что гони быстрее.

– Простите, но… у меня обед, – водитель был явно недоволен.

– Какой обед? – опешил тот. – Не волнуйся, шеф, с оплатой не заржавеет.

– У меня обед, – повторил таксист, слегка повысив голос. – А потом срочный вызов.

– Ну и чмошник, а? Ладно, твое дело.

Парень пожал плечами и закрыл дверцу. Поведение таксиста удивило его до крайности. До Белорусского вокзала было далеко – и, значит, прибыльно.

Зазвонил сотовый телефон. Водитель поднес трубку к уху, предварительно взглянув на определившийся номер.

– Ну, Глеб, пора тебе начинать, – раздался в динамике спокойный голос. – Савельев как раз на подъезде. Увидишь у входа машину, черный «БМВ», – значит, он там. Пока они здороваются, охрана немного на расслабоне. Действуй. Только осторожно. У нас есть сведения, что здание заминировано, и в случае чего они могут взять девчонок в заложники. Это будет провалом операции.

– Понял, – ответил таксист.

Он тут же завел мотор, и такси сдвинулось с места, вмиг развив скорость до ста с копейками.

* * *

Машина остановилась возле неприметного домика в одной из подмосковных деревень. Вокруг только яблони да груши – владельцы соседских домов еще в советское время съехали в город, а у их земли так и не нашлось пока нового богатого хозяина.

Черный «БМВ» и вправду был припаркован рядом с калиткой в прогнившем покосившемся заборе. Такси остановилось неподалеку – так, чтобы характерной окраски машину было видно из окон дома.

Глеб не спеша выполз из автомобиля и захлопнул дверцу. Потом вразвалочку направился к калитке, открывавшей путь в заросший травой неухоженный внутренний дворик.

Открыв в два касания калитку, он, посвистывая, двинул ко входной двери. Глеб знал, что сквозь оптику за ним пристально наблюдает снайпер, засевший в окошке чердака, но это его не особенно волновало.

Когда до крыльца было рукой подать, дверь открылась, и навстречу визитеру выполз лысый громила в шлепках на босу ногу. Вид у него был настолько грозный, что любой порядочный человек, по идее, уже должен был испугаться и убежать.

– Э, мужик, ты дверью не ошибся? – ухмыльнулся громила.

Глеб встретил его добродушным и простецким взглядом:

– Такси подано, можно ехать.

– Чево? – не понял амбал.

– Ну, такси кто заказывал? Меня на этот адрес направили.

– Какое такси? Ты че, рехнулся, да?

– Только давайте быстрее, а! – водила уже начинал нервничать. – А то я сейчас счетчик включу. Сначала заказали, а потом думать начинают.

Было видно, что такая постановка вопроса застала парня врасплох. Здесь он был готов встретить кого угодно, но только не заблудшего московского таксиста.

Поэтому охранник сменил гнев на милость. Вернее, на замешательство.

– Так мы это… не заказывали, – пробормотал он.

– Как не заказывали? – повысил голос таксист. – У меня и фамилия вот записана – Давидович какой-то. Есть у вас такой? Только не говори, что нету, а?

Глеб знал, что через систему видеонаблюдения за ним сейчас следят те, кто внутри. И решают, как поступить.

Слепой ждал их решения, высматривая место, недостижимое для повисшей под крышей камеры.

Охранник вытащил рацию и доложил о незваном госте. В этот миг дверь открылась, и на пороге появился сам Савельев – тучноватый мужик лет пятидесяти, один из постоянных клиентов этой конторы.

– Эй, шеф, не вызывали тебя, это все фуфел! – весело крикнул он. – Вали отсюдова.

О такой удаче Слепой и мечтать не мог. Вот что значит неожиданный ход!

– А кто вызывал, Пушкин? – таксист приблизился к двери на пару шагов и снял темные очки. Охранник преградил ему путь, на время закрыв своей тушей камеру.

– Пошел ты на… – весело ответил Савельев. – Придумал какую-то хрень…

Он еще не успел договорить эту фразу, как к его виску уже был приставлен пистолет с глушителем. На лице амбала-охранника застыло тупое выражение, а в области паха застрял маленький шприц.

Не дожидаясь, пока охранник упадет, Слепой молниеносно втолкнул своего заложника в дом.

– Давай вперед, – скомандовал он Савельеву, тыкнув ему стволом в спину. – Иди к хозяевам.

Сутенер послушно открыл дверь в комнату. Там уже, похоже, догадались: произошло что-то неординарное. Но было поздно.

– Всем на пол, быстро! – приказал Слепой, точным ударом в челюсть вырубив вскочившего с дивана коротышку. – На пол, я сказал! Руки за голову! Тебя тоже касается.

В комнате на кожаных креслах развалились двое мужчин и одна немолодая дамочка – она как раз и не спешила подчиняться. Судя по запаху, компания баловалась кальяном с травкой.

В возникшей суматохе Глеб уловил звук передернутого затвора. Через миг из-за печки высунулась чья-то голова, а под ней – автоматный ствол. Слепой никогда не жаловался на замедленную реакцию, и после его выстрела на белой поверхности печи остались красные брызги.

– Прикажите охране спуститься сюда, – ледяным голосом приказал Глеб. – Быстро.

Для пущей убедительности он легонько врезал ногой под дых лежащему на ковре мужику в кожанке.

– Ишь, какой шустрый, а? – пробормотала женщина.

– Молчать. Считаю до двух. Раз…

– Сколько тебе надо? – спросил Савельев.

И тут же об этом пожалел.

Мужчина в кожанке зашевелился:

– Рация…

Не сводя с него глаз, Слепой взял со стола рацию и швырнул ему:

– Учти, я шуток не понимаю.

– Зил, спустись ко мне вниз. Быстрей давай… Да ничего, спускайся…

По тону его голоса охранник вполне мог предположить, что случилось неладное. Но он выполнил приказ, спустился с чердака – и разместился рядом с хозяином на полу.

– Еще охрана, – железным голосом процедил Слепой.

– Больше нет. Честно, нету…

– Есть, – упрямо произнес Глеб.

Охранник, улучив момент, попытался схватить его за ноги. Слепой вырубил его коротким ударом рукояткой в висок. Дуло пистолета опять было направлено прямо в лысину хозяина.

– Но он спит… Он с девчонкой в задней комнате.

– Считаю до одного.

Когда заспанный секьюрити тоже растянулся на полу, Глеб левой рукой достал из потрепанного жилета рацию и негромко произнес:

– Первый этап прошел успешно. Начинайте захват.

Через пару минут «торговцев мясом» уже волокли к выходу облаченные в бронежилеты спецназовцы, а врачи «скорой помощи» спустились в обширный погреб. Его на время превратили в склад, предназначенный в этой «оптовой базе» для хранения «живого товара».

Глеб без труда затерялся в этой кутерьме и растворился.

* * *

На экране телевизора убежденно вещал какой-то неопрятный старичок, размахивая скрюченным указательным пальцем:

– И теперь мы, русские, после многих столетий забвения наконец-то можем вернуться к своим истинным, арийским корням.

– Сенсационная находка российского ученого еще требует доказательств своей подлинности, – слово взял голос за кадром. – Возможно, они будут получены после того, как древнейшая копия «Слова о полку Игореве» пройдет тщательную экспертизу специалистов различного профиля. Когда это случится, пока не ясно. Памятник письменности принадлежит частному лицу, и вскоре он будет выставлен на торги в аукционном доме «Золотой лев». Дарья Павлова, Виктор Петронесян, «Вести».

Камера напоследок сделала общую панораму пресс-конференции, и диктор объявил следующий репортаж:

– В ходе операции, проведенной сотрудниками правоохранительных органов, был ликвидирован один из крупнейших в Москве очагов детской проституции. Он располагался в обычном сельском доме в деревне Митьковичи. Рассказывает наш специальный корреспондент Вадим Егоров.

Бодрый и усатый спецкор с микрофоном в руке стоял на въезде в деревню, возле покосившегося дорожного указателя и не спеша вещал:

– На первый взгляд, деревня Митьковичи ничем не отличается от прочих населенных пунктов в окрестностях Москвы. Покосившиеся дома, во многих из которых уже никто не живет, тишина да спокойствие. Неудивительно, что именно то место избрали преступники. В обычной избе под номером восемь был организован своего рода оптовый склад «живого товара». Отсюда он расходился в розницу по различным притонам для дальнейшей сексуальной эксплуатации.

Качество картинки резко ухудшилось – пошли фрагменты оперативной съемки. На экране замелькали тесные подвальные камеры, на полу которых лежали рваные ватные одеяла; заплаканные и отрешенные лица детишек и затылки хозяев заведения.

– Несовершеннолетних привозили сюда со всех концов бывшего Советского Союза, – продолжал репортер. – Условия их содержания были ужасные. В этих тесных подвалах правоохранительные органы обнаружили 29 девочек и 12 мальчиков. Преступники обращались с ними хуже, чем с животными на колхозных фермах. Детям не хватало еды, воды и даже воздуха – узкий люк, ведущий в подвал, был крепко задраен и заделан звукоизоляцией.

Сразу после захвата дома туда вошли саперы – по имеющимся у сил охраны правопорядка сведениям, преступники заминировали здание на случай его штурма. Впоследствии эти сведения подтвердились. По словам командира отряда милиции специального назначения Вадима Иванова, руководившего операцией…

Глеб потянулся за пультом, выключил телевизор и налил себе еще немного абсента. Полынная семидесятиградусная жидкость приятно обожгла небо, погружая в приятный и слегка дурманящий полусон.

Глава 4

Маленькая узкая дорога, ответвлявшаяся от шоссе, ведущего к Туле, в этот поздний час была совершенно пустынна. Деревья, которые раскинули свои ветви с обеих сторон дороги, походили на созданий из страшных сказок.

Несмотря на то что на темном асфальте то и дело попадались трещины, стрелка на спидометре красного «опеля» зашкаливала за отметку сто сорок. Водитель машины сильно спешил – и человек, увидевший эту мчавшуюся на всех парах машину, мог задаться закономерным вопросом: куда?

Действительно, по этой дороге спешить было некуда. Буквально километров через двадцать она заканчивалась тупиком в маленьком городке, превратившемся в вымирающий поселок после того, как закрылся тамошний консервный комбинат.

В поселке было решительно нечего делать.

Впрочем, хозяин машины туда и не стремился. Проехав не снижая скорости маленькую деревушку, он резко притормозил возле небольшого домика на обочине дороги, на котором красовалась светящаяся тусклым неоном вывеска «Ресто ан ик у Жоры».

Домик был далеко не первой свежести, а отсутствие букв на вывеске свидетельствовало о том, что у хозяев заведения дела идут неважнецки. Да и неудивительно – в такой-то глуши!

Впрочем, хозяин «опеля» и его спутник были не единственными посетителями таинственного Жоры. Рядом с домиком припарковался шикарный черный «мерс».

Массивная железная дверь ресторана была наглухо закрыта. Посетитель нажал на кнопку звонка.

Дверь отворил молчаливый бритоголовый амбал в строгом костюме. Не сказав ни слова, гости бодрым шагом двинули в зал.

– Э, секунду, проверочка! – спохватился амбал, грубо перегородив своей здоровенной ручищей путь второму посетителю, неприметному мужчине небольшого роста.

– Мы свои, нас не проверяют, – процедил сквозь зубы тот и резким движением перехватил руку бритоголового.

В тот же миг охранник взвизгнул от боли. Не обратив на его муки ни малейшего внимания, гости продолжили путь, пересекая быстрым деловым шагом уютный холл с фонтанчиком.

Интерьер заведения совсем не соответствовал его внешнему виду: обитые бархатом стены, мраморные полы, красивая люстра на потолке…

Посреди зала за одним из столиков сидел серьезный задумчивый человек. По обе стороны от него расположились по стойке «смирно» еще пару амбалов. Услышав шаги, мужчина медленно поднял голову и одарил пришедших безразличным взглядом.

– Добрый вечер, Виктор Петрович, – поздоровался один из них.

– А, Турбин, – безо всякого выражения пробормотал мужчина. – Ну заходи, коль приехал. Садись.

Несмотря на то что настроение у новоприбывших изначально было бодрое, Виктор Петрович быстро показал им, кто в доме хозяин.

– А твой боец пусть пока на улице подождет, – добавил он.

– Нет, Виктор Петрович, это… мой коллега, – запинаясь, произнес Турбин. – Он в курсе дела, так что…

– Ладно, пить будете? Виски, текила, джин… – хозяин щелкнул пальцами, подзывая невидимых официантов.

– Мне бы водочки, – процедил хозяин аукционного дома.

– Кофе, – коротко ответил его компаньон. – Без сахара.

Их внимательно слушала миловидная девушка в купальнике, которую Виктор Петрович во время разговора задумчиво поглаживал по ягодице.

– А мне, Оль, еще чифирчику, – добавил он. – Старая привычка…

Когда девушка ушла, на пару мгновений воцарилось молчание. Его нарушил сам хозяин. Он внимательно посмотрел Турбину прямо в глаза и неспешно заговорил:

– Так что за шухер такой, а? Или ты в молчанку играть приехал? Затащил меня хрен знает куда, так будь добр растолкуй баклану. Что, зачем?..

Турбин отвечал так же непринужденно:

– Виктор Петрович, я хотел более подробно обсудить с вами это дело. А в Москве, сами знаете… Лучше, чтобы вместе нас с вами не видели – даже

случайно. Поэтому стоит перестраховаться. К тому же загородная прогулка всегда приятна.

– Это ты правду говоришь, без базаров? – хрипловатый монотонный голос Виктора Петровича был похож на шарканье ногами по асфальту. – Ну, давай, толкуй.

Когда девушка принесла им напитки, лифчика на ней уже не было. Глотнув своего густого горячего пойла, хозяин с блаженным видом откинулся на спинку полукресла.

– В общих чертах я уже все рассказал во время нашей прошлой встречи, – сказал Турбин.

– Знаешь, давай-ка сначала, – покачал головой Виктор Петрович. – А то с памятью у меня…

– Хорошо, могу все обрисовать сначала и более подробно… Итак, насколько мне известно, вы баллотируетесь в Думу. Я прав?

– Ты прав. И что с того?

– Значит, вам надо как следует себя пропиарить. И самый лучший способ для этого я вам как раз и хочу предложить.

– Ты? – удивился хозяин.

– Как вы, наверное, знаете, на нашем аукционе будет выставлен уникальный памятник русской письменности, – Турбин не обратил на скепсис своего собеседника ни малейшего внимания. – Журналюги все вокруг нас пасутся. Все на ушах стоят.

– И что ты мне предлагаешь?

– Купить книгу.

Вид у Виктора Петровича был растерянный. Казалось, он в полном замешательстве. Но оно грезило вот-вот перерасти в бурю.

Турбин заметил надвигающуюся опасность и решил опередить события:

– Нет, вы поймите меня правильно. Это игра, все как бы понарошку… Наша цель – привлечь к вам внимание. О вас напишут во всех газетах, прокрутят вас по всем каналам. Известный политик покупает книгу, чтобы тут же безвозмездно передать ее в Академию наук… И за этот пиар, заметьте, не надо будет платить. К тому же, аукцион у нас назначен как раз накануне выборов.

– Сколько стоит эта ваша хрень? – спросил хозяин.

– Изначально восемьсот. Но цену надо будет разогнать чутка – чисто для понтов. Где-то лимонов до двух.

– Это много.

– Да, я понимаю, – закивал головой Турбин. – Но вам совсем не обязательно платить эти деньги.

– Как? – на пуленепробиваемом лице Виктора Петровича отобразилось недюжинное изумление.

– Очень просто. Вы купите книгу, но… Тут что-нибудь случится, и нам придется вернуть вам деньги. За вычетом, разумеется, определенной суммы.

– Сколько?

– Меня устроит, скажем, тысяч пятьсот. Думаю, для вас это немного, особенно учитывая бюджет избирательной кампании. К тому же, как вы понимаете, мне нужен оборотный капитал, чтобы устроить весь этот спектакль.

Воцарилась пауза. Виктор Петрович надолго задумался, обхватив обеими руками чашку с чифирем.

– Хм, – изрек он наконец, – Я понимаю все, кроме одного.

– Чего же именно? Кажется, здесь нечего не понимать.

– Я не понимаю, в чем же твоя маза, а? Неужели только в этом бабле?

– Не только. Мне понадобится еще ваша помощь. Несколько мелких услуг. Но, поверьте, в них нет ничего особенного. Так, ваших ребят обеспечим работой…

Виктор Петрович понимающе кивнул. Допив чифирь, он встал из-за стола и сосредоточенно зашагал по залу.

– Но все-таки, – сказал он, возвращаясь на свое место. – Неужели кроме меня эту твою хрень некому покупать?

– Не совсем так, – ответил Турбин. – Думаю, возникнет обратная проблема – придется нейтрализовать конкурентов.

– Так, а зачем? – все еще не врубался хозяин. – Зачем ты… сюда пожаловал?

– У меня на то свои причины, – невозмутимо произнес аукционщик. – Как и вас, меня в этой истории в первую очередь волнует самореклама. И мне очень хотелось бы довести дело до конца.

Эти объяснения показались Виктору Петровичу более чем туманными. Но он прекрасно понимал, что его собеседник пока не хочет раскрывать карты.

– Хорошо, – наконец изрек он. – Думаю, стоит согласиться.

– Вот и замечательно, – улыбнулся Турбин. – Я свяжусь с вашим пиар-менеджером, и мы вместе напишем тексты, которые вы должны озвучивать во время встреч с избирателями и интервью.

– Договорились, – кивнул головой Виктор Петрович, давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

Распрощавшись, поздние гости решительным шагом двинули к выходу. Через минуту мотор «опеля» завелся.

– Шустрый корешок, однако, – пробормотал Рыхлин, ставя на стол пустую чашку. – И кадра какого-то с собой таскает…

Только сейчас он обратил внимание на то, что спутник Турбина за время их встречи не проронил ни единого слова. Что это был за персонаж, оставалось для Рыхлина большой загадкой.

Откинувшись на спинку кресла, он закрыл глаза и задумался, вспоминая былое.

Да, когда они познакомились с Турбинным, у него и близко не было такого самоуверенного вида, как сегодня. Вряд ли тогда он мог ставить какие-то условия. Тем более ему, Рыхлину.

Обстоятельства их знакомства были специфическими. В зоне общего режима в Орехово-Зуево Рыхлин (более известный среди тамошней публики по своему погонялу Отвертка) сразу занял почетный, но вполне заслуженный пост смотрящего по камере. Еще бы – он уже тогда являлся авторитетом. Пять ходок, шестнадцать лет на зоне…

Турбин тогда был вроде шестерки. Ни у кого из сокамерников – а их на двенадцати нарах теснилось человек тридцать – этот чмошник уважения не вызывал. Все обращались с ним крайне пренебрежительно, и место его было неизменно у параши.

Интеллигентишка, попавший в крытку явно случайно, тертой братве совсем не нравился. Да и постоять он за себя не мог, за что и получал стабильно.

Все вообще недоумевали, как такого кадра угораздило загреметь на зону. И больше всех недоумевал сам Турбин.

* * *

В первые тридцать пять лет своей жизни он был вполне благонадежным гражданином. Во всяком случае на первый взгляд. Люди называли его по имени-

отчеству, а все престарелые соседки очень уважали этого благодушного и вежливого интеллигента.

Окончив аспирантуру и кое-как защитив диссертацию о скифских курганах, двадцатипятилетний археолог Турбин устроился на работу в институт. Впереди его ждало известное будущее, сначала сто двадцать рублей в месяц, потом сто пятьдесят, потом сто семьдесят, а потом, лет этак через двадцать, после защиты докторской, и все двести тридцать. К этому времени, вполне возможно, подошла бы и его очередь на квартиру.

Такая перспектива Володе совсем не нравилась. Он был человеком честолюбивым. И именно эта его черта не позволяла зарабатывать столько, чтобы еле хватало протянуть от аванса до зарплаты.

Именно поэтому уже в самом начале его самостоятельной ученой карьеры парню вдруг разонравилось копаться в древних костях и ночи напролет сидеть за пишущей машинкой.

С тех пор для советской науки Турбин умер. Он уже не мог обогатить ее какими-нибудь изысканиями вроде «Сравнительного анализа похоронных сооружений Черноземья России». Теперь его волновало лишь собственное обогащение.

Полученных за государственный счет знаний вполне хватило Турбину, чтобы найти свое место в «черном» антикварном бизнесе. Местечко поначалу скромное – то оценщика, то посредника. Но прошло совсем немного времени, и он по-настоящему встал на ноги.

В те времена рынка антиквариата в стране как бы не существовало. То есть именно рынка, где продаются дорогие и солидные вещи, а не базарчика с ширпотребом за трешку. Ведь крупные вещи – они и стоят по-крупному, а таких денег у советского человека в принципе быть не могло.

На самом деле деньги кое у кого из советских людей, конечно же, водились, и желание их потратить на красивые детали для интерьера своей квартиры у некоторых скоробогачей-«цеховиков» имелось.

Да и страсть к коллекционированию тоже никуда не исчезла – она была не чужда даже крупным партийным функционерам. Была эта страсть, кстати, и у

крупнейшего советского биохимика академика Авраама Весселя, который со временем стал постоянным покупателем Турбина.

Покрутившись вокруг да около год с небольшим, бывший археолог полностью вошел в курс дела. Теперь ему были известны и фамилии потенциальных клиентов, и способы добывания товара.

Для кого-то старинный подсвечник из дворца Воронцовых или набор французской столовой утвари казались чем-то вроде хлама, оставшегося в наследство от ушедших в мир иной бабушек и дедушек. Дескать, выбросить жалко, а деть некуда.

О реальной цене этих безделушек большинство «простых смертных» даже и догадываться не могло. Такие люди, как магнит, притягивали спекулянтов.

Главным оружием Турбина стала его удивительная способность вызывать у незнакомых людей доверие. В плане умения «разводить» он был настоящим докой, и этому ушлому коммерсанту много раз удавалось без лишнего труда обходить конкурентов.

Вещь, за которую кто-то из них сразу предложил бы двести рублей, а потом, после долгого и унизительного торга, увеличил бы ставку в два раза, Турбин с улыбочкой обменивал на какую-нибудь электробритву «Харьков». И затем успешно спихивал ее за полторы тысячи – хотя любой другой барыга довольствовался бы и половиной этой суммы.

Самое главное, что все его клиенты – и покупатели, и продавцы, – были довольны совершенной сделкой. И когда им потом объясняли, что они стали жертвой обмана, большинство упорно не хотело в это верить.

Все было почти как в анекдоте про барабан Страдивари. Какой-то уркаган решил удивить братву и ради понта купить очень дорогую антикварную вещь. Для этого он обратился к известному еврею-перекупщику. Тот взял деньги, положил их в баночку из-под дефицитного кофе и закопал у себя в саду. Потом сходил в соседнюю школу и за бутылку чернил выторговал у местного физрука старый пионерский барабан.

Когда бандюга появился, перекупщик с торжественным видом протянул ему этот музыкальный инструмент и поздравил с удачной покупкой. Зная, что в школе тот все равно не учился и в пионерах, соответственно, не состоял.

– Ну, вот тебе барабан Страдивари, – говорит жучок. – Еле уступили мне за твою цену. Так что очень тебе повезло.

Уркаган обрадовался, похлопал жучка по плечу и тут же отправился хвастаться перед своей братвой. Но кореша над ним посмеялись.

– Да Страдивари, он же, в натуре, чисто скрипки делал, – сказал самый образованный из них.

Вышла небольшая заминочка. Сконфуженный уркаган тут же вскочил в свою «Волгу» и помчался к еврею – с твердым желанием прострелить ему башку.

Но когда через час он вернулся, вид у этого парня снова был жизнерадостный.

– Братва, так этот Страдивари, он, в натуре, для лохов чисто скрипки делает, а для нормальных корешей – барабаны.

Этот анекдот в те времена был суровой правдой жизни. Ведь в условиях «черного рынка» не так и легко проверить – на самом ли деле то, что тебе пытаются всучить в качестве иранской вазы середины 17 века, было сделано руками древних мусульман, или же это кичевая фабричная штамповка.

Продавцам Турбин говорил первое, покупателям – второе. На самом деле, как это нередко случается в жизни, истина была где-то посередине.

* * *

Бизнес Турбина продолжался без малого четыре года – и все без сучка без задоринки. Это его даже удивляло. Ведь тогда «органы» работали на совесть, и многие «теневики» в конце концов попадали на нары.

Да и бандюганы вроде Отвертки тоже являли собой огромную опасность. Бывали случаи, когда целые состояния, наколенные удачливыми барыгами за долгие годы, в один прекрасный день меняли хозяина – после того, как утюг на спине у того начинал нагреваться.

В плане социальной защищенности «теневики» были хуже бомжей. Ведь идти жаловаться в милицию им как-то не пристало. Даже по очень серьезному поводу.

Впрочем, все эти ужасы пока обходили Турбина стороной. Никто из его сослуживцев даже и не подозревал о том, чем на самом деле занимается их коллега, хотя без дела этот ученый муж никогда не сидел.

На одном таком дельце он наварил порядка двадцати тысяч рублей. Турбину благодаря его пронырливости и везению удалось заполучить целую коллекцию ценного антиквариата одного бывшего энкаведиста. Сотнями отправляя людей на тот свет в сталинские времена, этот персонаж оставлял себе их вещички – наверное, на память.

Но прошло время, и ветеран-чекист сам отправился на Божий суд. Наследство досталось его единственному сынку – одинокому и непутевому сорокалетнему мужику. Тот толком не знал, как распорядиться своим счастьем. И однажды даже променял серебряные часы Александровской эпохи на бутылку возле гастронома. Просто выпить в тот вечер очень хотелось…

В огромной квартире, доставшейся недотепе по наследству от отца, нашлось место для икон 18 века, картин Натальи Гончаровой, Георгиевских крестов и даже настоящей казацкой сабли, инкрустированной изумрудами.

Окинув все это своим опытным взором, Турбин едва смог сдержать волнение. Но все-таки это ему удалось. И сокровища достались ему за бесценок.

– Так, чепуха, фабричная подделка, – говорил он, рассматривая тяжеленную саблю с выгравированным на лезвии именем какого-то атамана. – Но рублей тридцать я дам за нее.

– Что ж, по рукам, – искренне радовался недотепа, прикидывая в уме, сколько бутылок водки можно купить за эти деньги.

Сабля ушла за тысячу двести. Все остальные предметы из той коллекции тоже нашли покупателя.

Турбин решил отметить выгодное дельце в ресторане. Гулянка с друзьями и любовницей получилась на славу. Но проснувшись наутро с больной головой, он вдруг призадумался.

Ему стало ясно как белый день, что вся эта лафа не будет продолжаться вечно. И когда-нибудь ей наступит законный конец. Причем наступит он непременно внезапно, как и бывает в таких случаях.

Турбин перестал отвечать на «деловые» звонки и стал отказываться даже от самых выгодных предложений. Чувства, которые терзали его душу, были воистину гамлетовскими – или грешить против закона, или… тоже грешить, но более изощренным способом.

Идея жить на зарплату по-прежнему казалась ему полным бредом.

Турбин ходил в раздумьях целую неделю. А потом, выпив с вечера коньяку, утром положил вырученные двадцать тысяч в большой дипломат и отвез его тогдашнему замминистру культуры Свинову.

В итоге молодой и перспективный ученый вдруг получил повышение. Он стал заместителем директора музея древнерусской культуры в Старом Почайске – бывшем центре крупного княжества, а теперь маленьком райцентре в российской глубинке. И целых два месяца честно изучал особенности местной иконописной школы и вникал в курс музейного дела. По кабакам он в это время почти не ходил, чем вызвал сильное негодование своих подруг.

А через полгода старенького директора отправили на пенсию. Его кресло занял этот перспективный молодой специалист.

* * *

С тех пор Турбин развернулся по-новому. Как ему удалось выяснить, древнерусская культура за границей ценится куда больше, чем на родине.

Иконы или предметы утвари, пылившиеся в хранилище его музея, легко находили новых хозяев в Германии, Франции, США, а случалось, даже и в Японии.

В самом Почайске дела до них не было никакого. В музейном хранилище, по соседству с половой шваброй уборщицы и выпитыми на прошлом банкете бутылками лежали уникальные вещи. Да и археологические экспедиции, работавшие в том крае, постоянно находили что-то новое. Свои находки они торжественно передавали в музей, а там эти ценности навечно клались на полку того же хранилища и постепенно покрывались пылью.

Фонды музея в несколько раз превышали размер экспозиции, а денег на расширение не было. Председатель райисполкома, верный партиец, вообще грозился выбросить все это скопище «пережитков старого режима» на помойку – «к едрени фени».

Поэтому условия работы у Турбина были лучше некуда. Тащить из музея экспонаты оказалось проще простого. И никто ему в этом не мог помешать. «Неблагонадежных» директор просто уволил.

Одной из сотрудниц, например, Турбин сначала предложил отведать кагора на рабочем месте – якобы по поводу его дня рождения, – а потом, ничтоже сумняшеся, сдал беднягу появившейся вдруг милиции.

Оставшаяся без работы тетя чуть было не повесилась – увольнение было для нее жизненным крахом. Но Турбина это совершенно не беспокоило. Он на тот момент был занят совершенно другим.

Например, требовалось срочно отладить схему переправки ценностей за границу. Турбину удалось связаться с атташе по культуре одного дружественного СССР латиноамериканского государства, но тот загнул за свои услуги непомерно большую цену. Тогда жулик отправился прямо к его начальнику – самому послу. И с тем удалось договориться на более приемлемых условиях.

Посол имел обыкновение ездить к себе домой через Германию. В такие поездки он прихватывал с собой чемоданчик с иконами, церковной утварью, а иногда и рукописными книгами древнего Почаевского княжества. На границе его,

естественно, никто не проверял – ведь государство, которое он представлял, было дружественным.

Во Франкфурте-на-Майне, где у дипломата была пересадка, прямо в аэропорту его встречал немецкий партнер Турбина – русский эмигрант Алексей Волчков, попавший за границу во время Второй мировой. Именно он отвечал за реализацию товара. Чемоданчик передавался в цепкие руки эмигранта, а потом его содержимое расходилось по аукционам и антикварным лавкам всего мира.

Прибыль делили поровну, – за вычетом той ее части, которая уходила начальству Турбина. Часть эта в процентном отношении была небольшой, но начальство оставалось довольно. И закрывало глаза на бурную деятельность в провинциальном музее.

Деньги потекли к пройдохе рекой. Теперь он прямо-таки не знал, что с ними делать. И это сильно его смущало. Как и подпольный советский миллионер Корейко, он тоже боялся огласки. Поэтому и старался не тратить больше, чем получал по окладу в своем музее. Разве только иногда…

Да и потратить эти деньги было для него проблематично, ведь они поступали к нему не советскими червонцами, а в свободно конвертируемой валюте. В те времена в его Почаевске никто доллара даже в глаза не видел. Для того чтобы иметь возможность пользоваться своими сбережениями, жулику приходилось менять их у редких в те времена валютчиков на рубли.

Таким образом, Турбин носил джинсы от «Москвошвеи», ездил на добитой «копейке» и внешне ничем не отличался от обычного советского гражданина. Раз в пару месяцев он отправлялся на выходные в Москву – якобы за покупками. И, конечно, никто из почаевцев даже не подозревал, что в багажнике его «Жигулей» лежит чемодан с их культурными ценностями.

Спустя год с небольшим такая жизнь Турбину начала надоедать. Все-таки хотелось пожить на широкую ногу. И тогда был придуман обходной маневр.

«Доктору Турбину» приходило липовое приглашение на какую-нибудь научную конференцию, проходившую в Дюссельдорфе или Страсбурге, тот оформлял сам себе командировку и отправлялся за границу. И там позволял себе расслабиться – пусть и недолго.

Турбин стал своим человеком в лучших ресторанах и борделях Германии еще задолго до того, как путь туда открыли первые перестроечные скоробогачи. За день он позволял себе спускать по пару тысяч марок, чем приводил в замешательство рачительных немцев.

Потом срок «командировки» заканчивался, и Турбин снова возвращался в свой Почаевск, где после восьми вечера негде было купить бутылку водки. Стоит ли говорить, что ближайшие месяцы проходили в ожидании нового «выхода в свет»?

* * *

Именно страсть к кутежу Турбина и погубила. В один прекрасный день им заинтересовались органы. Да и неудивительно – те очень внимательно следили за советскими гражданами, выезжавшими за границу. И когда выяснилось, что у одного из них валюты куры не клюют…

К тому времени началась перестройка. К власти пришел Михаил Горбачев, люди стали открыто ходить в церковь, а в Москву впервые приехала группа «Скорпионз».

Турбин ждал новых времен с нетерпением. Ведь тогда он смог бы легализовать накопленные капиталы и организовать какой-нибудь совершенно законный магазин антиквариата. Да и объемы этого бизнеса должны были круто возрасти, ведь людям уже не придется прятать свое богатство.

Но, увы, не дождался. Турбина взяли холодным ноябрьским вечером 1987 года. В его квартиру вдруг нагрянули милиционеры и какие-то люди в штатском и устроили там обыск. Впрочем, искать им ничего не пришлось. Турбин как раз запаковывал икону Владимирской Божьей Матери 17 века в очередной чемоданчик, где уже лежала серебряная Евхаристическая чаша и дискос.

Директора музея взяли с поличным, и шансов выйти сухим из воды у него не было никаких. Как выяснилось во время следствия, органы вели этого махинатора уже давно. И делали это умело – сам клиент до последней минуты ничего не заподозрил.

Волчкову тоже не удалось избежать судебной ответственности – с тем только различием, что судили его в Германии. Наняв хорошего адвоката, Алексей в два счета свалил всю вину на своего советского подельника и отделался легким испугом – крупным штрафом и шестью месяцами исправительных работ.

Турбину грозило куда большее наказание. Его дело пополнялось все новыми подробностями. Научный сотрудник музея, который был в этом бизнесе на подхвате, заключил со следователем договор и «слил» на своего шефа все, что только мог, взамен на некоторое облегчение своей участи.

И когда через пять месяцев в зале суда огласили приговор, Турбину чуть не стало дурно.

До этого майского дня он все еще надеялся, что случится чудо, и двери «Матросской Тишины» для него откроются. Может, ему тоже дадут условный срок? Может, власти сами не захотят огласки своего головотяпства?

Но ничего подобного не случилось. Суд приговорил его к восьми годам колонии общего режима с конфискацией имущества.

Все рухнуло в один миг. В тот самый июньский день, когда Турбин планировал выехать в очередную «командировку», чтобы открыть для себя изысканные прелести Ниццы, его отправили этапом в Орехово-Зуево.

Дальше были ужасные семь с лишним лет, проведенные в обществе зэков, к которому наш герой так и не успел привыкнуть.

* * *

Турбин вышел на свободу в 1995 году – злой, исхудавший и нищий. Жизнь за эти годы изменилась до неузнаваемости. Москву, увешанную западной рекламой, было не узнать.

Но все это Турбина совсем не радовало. Скорее, наоборот.

Удачный момент для начала крупного дела был безвозвратно упущен. Бывшие коллеги-жучки, когда-то завидовавшие ему, нынче гоняли по Москве на

шикарных иномарках и раздаривали визитки с гордым титулом «галерист». Прежние любовницы Турбина, даже те, которые раньше сами на нем висли, теперь повыходили замуж за пузатых состоятельных иностранцев.

А у Турбина не было ничего, кроме жажды реванша. Даже те двадцать тысяч рублей, которые он припрятал в надежном месте «на черный день», превратились в пачку цветной бумаги после реформы Павлова.

Рынок антиквариата к тому времени был заполнен до отказа, и найти в нем место оказалось делом практически невозможным. Поэтому поначалу Турбину пришлось устроиться грузчиком.

Потом были долгие годы унизительного и низкооплачиваемого труда – то на Арбате, где он продавал иностранцам матрешек и меховые шапки, то на подхвате у более удачливых дельцов. Все это время бывший зэк еле сводил концы с концами. Но замыслы грандиозных проектов по-прежнему не оставляли его слегка полысевшую за время отсидки голову.

В самом начале нового тысячелетия Турбин все-таки выбрался на поверхность. Облапошив своего босса – вместо коллекции старинных сибирских икон начальнику достались их копии в исполнении одного спившегося уличного художника, в то время как настоящие иконы ушли другому покупателю, – наш герой заработал более или менее сносный капиталец: около десяти тысяч долларов. Этих денег хватило на то, чтобы открыть крошечную антикварную лавчонку с гордым названием «Сезам».

Там, впрочем, предлагали отнюдь не персидские сокровища. Продавали преимущественно всякую рухлядь: потертые медные самовары, бюсты Ильича, псевдоафриканские статуэтки. Владельцу лавочки пришлось самому работать продавцом – денег на то, чтобы кого-нибудь нанять, у него не было.

Но однажды к нему попала действительно уникальная вещь. На объявление «Куплю антиквариат», которое Турбин, как и все подобные спекулянты, давал в московских газетах, откликнулась женщина, предложившая автограф двух глав «Капитанской дочки». Бедняга срочно нуждалась в деньгах и была готова уступить такой раритет за полцены – всего за тридцать тысяч долларов.

Турбин эти деньги нашел, причем за одну ночь. Ему даже пришлось заложить единственное, чем он обладал, – двухкомнатную квартиру.

Продажа автографа Пушкина не только позволила Турбину хорошо заработать – благодаря этому случаю, он попал в круг элиты московского антикварного бизнеса. Познакомился с теми людьми, которые не чахнут в своей лавчонке подле дряхлых самоваров, а обделывают делишки покрупнее.

Новые знакомые стали иногда привлекать к этим делишкам и его. Турбину снова начала улыбаться удача. Придумывая хитрые комбинации для того, чтобы вывезти из страны произведения искусства или организуя фальшивые экспертизы, он постепенно приобретал и деньги и уверенность в собственных силах.

И вот, в один прекрасный день, спустя ровно десять лет после освобождения из колонии, Турбин понял, что и первого и второго у него накопилось предостаточно, чтобы наконец стартануть по-настоящему.

И через пару месяцев появился аукционный дом «Золотой лев».

Пока денег у его владельца не было даже на фуршет для журналистов – пришлось одолжить у одного приятеля. Но он был уверен, что очень скоро, сразу же после первых торгов, ситуация изменится. И успех не за горами.

Поэтому Турбин, гнавший машину по мокрой и темной подмосковной дороге, был преисполнен оптимизма. Рядом с ним сидел его молчаливый и невзрачный спутник.

* * *

Вскоре после ухода аукционщика Рыхлин отправился в баню, прихватив для компании пару официанток. Домой он в этот вечер решил уже не ехать. Время было позднее, а с самого утра в загадочном ресторанчике «У Жоры» у него было назначено большое «совещание».

Это место Рыхлин использовал для самых важных встреч, которые надо было провести в обстановке строгой секретности, подальше от любопытных глаз.

Ведь такая фигура, как он, привлекала внимание, и не один журналюга рыскал за ним по пятам в поисках компромата. Одного из них даже как-то пришлось замочить.

Судьба рецидивиста Отвертки после освобождения складывалась совсем иначе, нежели у Турбина. На свободу Рыхлин вышел в девяностом. Время вполне способствовало осуществлению его планов, возникавших в отчаянной голове долгими и скучными тюремными вечерами.

На зону он больше решил не возвращаться. Было понятно, что сейчас деньги в тысячу раз лучше зарабатывать не разбоем и бандитизмом, а относительно честным путем.

Выжав из одного знакомого еще по старой жизни банкира выгодный кредит, Отвертка занялся бизнесом. Сначала открыл кондитерскую фабрику, потом мясокомбинат… Потом удалось вклиниться в торговлю нефтью, освободив себе место с помощью верных бойцов.

Со временем зэк Отвертка превратился в респектабельного мужчину по имени Виктор Петрович. Он посещал дорогие клубы и порой даже появлялся в Большом театре – особенно в те дни, когда там собирались шишки покрупнее, вроде Лужкова.

Об уголовном прошлом не напоминало теперь абсолютно ничего – даже многочисленные «масти». Над их удалением потрудились лучшие специалисты-косметологи. Точно также были замазаны и пятна в биографии. И теперь Рыхлин говорил, что на зону попал совсем не за бандитизм и вымогательство, а по политическим причинам.

Хотя с прошлым он полностью не расставался. В том числе и с теми методами, которыми приходилось пользоваться в «той» жизни. Правда, теперь бригада Отвертки носила гордое название Службы безопасности.

И вот, Рыхлин чувствовал, что пришло время для нового броска. Ему хотелось большего – а именно, участия в политической жизни. Статус депутата Государственной Думы давал не только свободу действий, но и удовлетворял немалые амбиции.

Это же надо только подумать – парень, которого тридцать пять лет назад прозвали Отверткой за то, что он по наивности попытался замочить этим безобидным инструментом немолодую учительницу, теперь будет заседать в Государственной Думе!

Это была голубая мечта Рыхлина.

Глава 5

Звонок, разбудивший Глеба в полвосьмого, был весьма некстати – заснул он лишь ближе к утру.

– Ну что, герой, отдохнул немного после вчерашнего? – спросил его бодрый голос. – Восстановился?

– Федор Филиппович? Чем обязан в такую рань?

– Ну, повидать тебя хотел, поблагодарить за успешно выполненное задание. Мы ведь этих гадов уже месяц пасли и все никак не могли подобраться.

– А может, позже поблагодарите?

– В десять, – сухо сказал генерал. – Разговор есть.

– Что ж, понял, – удрученно пробубнил Слепой. – Буду. Если в пробку не попаду.

– Ну все, жду.

Глубоко вздохнув, Глеб решительно отбросил одеяло и отправился в ванную. Холодный осенний воздух, обдав его из окна на кухне, мигом согнал остатки сна.

О том, что за дело ему придумал полковник, Глеб пока даже и не думал. Он привык решать проблемы только по мере их появления.

* * *

Припарковавшись на стоянке, Глеб вышел из своей «хонды», чтобы немного размяться. Стояла великолепная золотая осень – любимая пора года Сиверова. Время, когда хотелось отрешиться ото всех насущных дел.

Времени было около десяти. Московские улицы в этот утренний час, когда все работающие уже добрались до своих контор и офисов, на удивление пусты, лишены обычной суеты. Вдыхая полной грудью свежий воздух, Глеб медленно шагал мимо Центрального дома художника.

Возле входа явно что-то происходило. Рядом с огромным плакатом, на котором была изображена корова с надписью «Россия» (Глеб сразу понял, что проходит выставка современного искусства), суетилось человек двадцать разношерстной публики – суровые юноши в камуфляже, бабушка в странной шапке-чепце и дяди интеллигентного вида. Все они дружно галдели, причем с таким энтузиазмом, что понять, о чем речь, было решительно невозможно.

Впрочем, Глеб даже и не пытался. Окинув толкучку быстрым безучастным взглядом, он размеренно продолжал движение. Но бабушка в чепце догнала его и всучила какую-то листовку.

– Вот, посмотрите, что эти изверги вытворяют! – тут же запричитала она. – Россию, матушку нашу, как корову рисуют! Правильно Сталин делал, стрелять таких надо.

Сиверов вежливо поблагодарил за листовку, кивнул якобы в знак согласия и, не произнеся ни слова, чтобы не вызвать ненужных дебатов, двинулся дальше.

Перед тем как отправить листовку в ближайшую мусорку, он прочитал первые пару строк:

«Российские Боги смотрят на нас со страниц подлинного «Слова о полку Игореве». Встань, Русич, защити свою землю от жидохристианского издевательства…»

Дальше Глеб читать не стал. Ему этот бред был совершенно не интересен.

…Тем временем Сиверов как-то незаметно для самого себя добрался до нужного места – неприметного здания во дворах широкой улицы.

* * *

– Ага, явился не запылился, – Потапчук был явно не в настроении.

Глеб молча прошел к столу и опустился в кресло. Генерал молча проводил его взглядом.

– Пыль вчерашним дождиком смыло, Федор Филиппович, – серьезно сказал Слепой. – Только у меня в башке осталось немного, но это вас не волнует, похоже.

– Ну хорошо, хорошо… – пробормотал Потапчук, – Дельце непростое будет. Зато не пыльное.

– Я весь внимание.

– Ты про это «Слово о полку Игореве» что-нибудь слышал?

– Ну, в школе изучал, конечно. Хотя… сами знаете, как у нас в школах учат.

– Нет, я про другое. Про то, что сейчас якобы нашли настоящее «Слово». Подлинный, так сказать, текст.

– Да, вчера по ящику об этом говорили что-то. Но, если честно, я не в курсах.

– Ладно, расскажу поподробнее. Один ученый… или якобы ученый, кто его знает?.. Он еще с фашистами русскими постоянно якшается… Нашел – или, опять же, якобы нашел…

– Простите, а поточнее нельзя ли?

– Нет, Глеб, нельзя, – отчеканил генерал. – Нету у нас пока ясности по этому вопросу. Потому тебя и побеспокоили.

– Ладно, давайте дальше.

– Так вот. Рукопись этого «Слова», которая… каким-то там веком датируется, выставили на аукционные торги. И вроде бы должны продать в конце этого месяца. В глаза ее пока никто не видел, только издалека. Но однако…

– Хорошо, а я здесь при чем? – не понял Глеб.

– Сейчас, сейчас объясню, – казалось, еще немного и Потапчук рассердится. – Надо выяснить подробности этого дела. И как можно скорее.

– Что выяснить?

– Ну, например, откуда взялась эта рукопись. Фальшивка она или нет. И все такое.

– Мне с моей профессией только такие вещи и выяснять, – пожал плечами Сиверов.

– Да, дружище, именно тебе, – зло сказал генерал. – И если ты думаешь, что это хухры-мухры, фигня собачья, то знай: ты, дорогой мой, сильно ошибаешься.

Глеб еще раз недоуменно пожал плечами и кисло улыбнулся.

– Да не в этом дело, – покачал головой Сиверов. – Просто… Толку от меня будет как с козла молока. Обратились бы лучше к ученым.

– Обращались уже, братец, обращались. Они ничего путного пока не могут сказать. Конечно, судя по тем кусочкам текста, которые уже опубликованы, все похоже больше на обычную фальшивку, чем на правду, но… Пока никто не видел оригинала, пока не прошли и экспертизы всяческие, то…

– Значит, подождать надо. И надеяться, что когда-нибудь он все-таки достанется ученым.

– Ах ты, умный какой! – взорвался Потапчук. – Подождать надо! Аукцион уже не за горами. А ты знаешь, что творится, а? Тут всю страну из-за этого «Слова» трясет, а ты говоришь «подожда-ать». Фашисты из щелей повылазили, кричат, что надо церкви православные закрывать. В любой бульварной газете теперь такое пишут, что «Майн кампф» детской сказкой покажется. Уже и Би-Би-Си про нас трындит, и Эс-Эн-Си, и откуси…

– И что с того?

– А то, что еще до этого аукциона мы должны располагать всей информацией, ясно, да? Иначе не сносить нам с тобой головы. Это мне вчера очень четко дали понять.

– Ну а я что конкретно могу сделать?

– Тебе, дорогой ты мой, надо бы найти ответы всего на несколько вопросов. Вернее, даже на два: кто и зачем? Ясно?

– Ну, это можно и сейчас уже сказать, – произнес Глеб после недолгого раздумья. – Все очень похоже на спектакль.

– Ух, ну ты прямо поэт! – покачал головой Потапчук.

– Федор Филиппович, вам самому разве не кажется, что вся эта история придумана для саморекламы? Аукционисту нужна слава для его заведения. Шумиха в прессе, и все такое…

– Кажется, – согласился генерал. – Но когда кажется… знаешь, что в народе говорят?

– А почему об этом не пишут в газетах?

– Потому что народ не поверит. Народу можно представить тысячу разумных аргументов, а он все равно купится на откровенное шило. Се ля ви, как говорят французы.

– Похоже, в нашей истории замешаны кое-какие серьезные силы, – продолжил Потапчук после паузы. – Не думаю, что весь этот, как ты говоришь, спектакль затеял сам аукционист. Мы проверяли его: сошка мелкая.

– Какие силы?

– Ну, например, один бывший олигарх, а теперь политэмигрант.

– Но он же еврей, кажется, – удивился Глеб. – Причем здесь фашисты?

– Этот парень любит работать на нескольких фронтах сразу, – загадочно произнес генерал. – И не кладет яйца в одну корзину. А лучший путь для дестабилизации общества еще поискать надо.

Сиверов призадумался.

– Впрочем, пока это только предположения, – Потапчук сменил тон. – Может, вовсе оно и не так. Фактов у нас сегодня не хватает даже на то, чтобы выработать рабочую версию. Ну а поскольку в этом деле могут появиться… некоторые затруднения, я решил подключить тебя.

– Какие затруднения?

– Ну мало ли… Мы ведь не знаем, кто затеял эту игру.

– Хорошо, – нахмурился Глеб. – Ну а… Какие-нибудь игроки вообще известны?

– Да. Кое-какие, – Федор Филиппович резко выпрямился в своем кресле. – Смотри.

Он вытянул вперед указательный палец.

– Во-первых, некто Владимир Турбин. Бывший ученый, бывший спекулянт антиквариатом – еще в советские времена. Долго сидел, после возвращения лет на десять вообще исчез из поля зрения. Теперь вот объявился в новом амплуа – как директор аукционного дома. Авантюрист еще тот, одним словом.

– Хорошо, а… вы говорили о каком-то ученом.

– Да, есть такой персонаж. Александр Кондратьев. От слова «кондрашка». Бедовый, я бы сказал, человек. В советские времена был ученым, в университете преподавал, в академии работал. Защитил докторскую диссертацию по теме «Развитие физкультуры и спорта в СССР в годы первых пятилеток». Потом перестройка пришла. Вот дядю и переклинило.

– В каком плане?

– В прямом. Увлекся он всякими там идейками… Типа, насчет того, что славяне – они круче всех, и русские, вообще, всей цивилизации дали начало. Антисемитизм там, язычество и все такое… Связался с фашистами, Союз возрождения Руси или как там? Создал Славяно-арийскую академию, в которой сам себя академиком назначил сразу. Написал семь книг. Я прочитал одну – полный бред. Короче, такой вот персонаж.

– Ясно, – кивнул головой Сиверов. – Немудрено, что именно он нашел это «Слово». Да и Турбин этот… Похоже, они просто нашли друг друга. Вам так не кажется?

– В смысле?

– Одному надо раскрутить свою контору, а второму – доказать псевдонаучные теории собственного разлива. Как писали классики, бензин ваш – идеи наши.

– Что ж, не исключено, – согласился Потапчук. – Во всяком случае, это первое, что приходит на ум. Но нам мало предположений, нам нужны факты. И доказательства.

– Ну, честно говоря, у меня никаких идей. Кроме того… Кто его знает, а вдруг книга самая настоящая? Я ведь этого в жизни не определю.

– Ладно, мистер Бонд, работа не подразумевает результат, – улыбнулся Федор Филиппович. – Ваша задача на данном этапе – это сбор информации. Вот, скажем, у этих фашистов завтра заседаловка будет какая-то. Сходишь на нее, посмотришь. Может, там появятся какие-нибудь странные люди. Дам тебе

«корочку» одной пермской газеты. Легенда: провинциальный журналист собирает информацию о возрождении правых российских движений. Работа будет несложная – пару часов косить под идиота, но на самом деле таким не стать.

– Ну, это не так и легко, – серьезно сказал Глеб.

– Думаю, ты справишься.

– Попробую.

– Ну все, тогда по рукам, – генерал привстал и протянул руку. – Ты немецким владеешь, – полувопросительно-полуутвердительно сказал Потапчук.

– В совершенстве, – скромно ответил Глеб.

– Вот и прекрасно. Поедешь в Берлин.

– А почему не в Мюнхен? – в шутку спросил Сиверов. – В Баварии мне больше нравится.

– Как ты, может быть, слышал, ноги этого «Слова» растут именно из Берлина. Якобы какой-то российский эмигрант случайно купил его в лавке старьевщика, и все такое.

– А как оно туда попало? – Слепой остановился на пороге. – Или Берлин раньше тоже был русским?

– Нет, по легенде, его вывез один офицер гестапо. Тебе эту версию надо будет проверить. Но это потом, где-то на следующей неделке.

* * *

Конференция «Первозданная Русь: долгий путь возвращения», организованная Союзом возрождения Руси и Славяно-арийской академией, проходила в Доме культуры какого-то обувного завода. Сиверову пришлось долго искать это серое

и угрюмое здание, расположенное на самой окраине Москвы.

Открыв стеклянную дверь, он нос к носу столкнулся с огромным бритоголовым детиной, на рукаве которого было изображение, похожее на свастику. Детина недоброжелательно окинул его взглядом.

– Добрый день, я… из газеты, – заискивающе пролепетал Глеб. – «Пермский треугольник».

– А документы есть? Удостоверение?

– Да, пожалуйста.

Парень долго изучал бэдж с крупной надписью «Пресса».

– Специальный корреспондент Петровский?

– Да, это я, – Глеб стеснительно потупил глаза.

– А почему у вас фамилия какая-то нерусская? Вы поляк?

Этот вопрос застал Сиверова врасплох. Честно говоря, он никогда не задумывался на сей счет. Да и фамилия была не его.

– Нет, что вы, я… Чистокровный русский. Такие фамилии у нас в Перми распространены очень, вы разве не знали?

– Ладно, поляк, заходи, – подобрел наконец охранник.

* * *

Половина кресел в небольшом зальчике пустовала. Публика собралась разношерстная – лысые дедушки соседствовали с бритоголовыми юнцами. Задник сцены был украшен тем же подобием свастики, что и форма охранника.

Человек в стареньком свитере и штанах еще советских времен вещал с трибуны:

– Что ж, давайте будем смотреть правде в глаза. Секретный отдел СС, сформированный из одних лиц еврейской национальности, разработал специальную программу ликвидации России. Тогда, в сороковых, их планам не суждено было сбыться. Но на этом они не остановились. Война закончилась, однако победа была неполной. Часть этих специально обученных магов, владеющих знанием древних масонских лож, отправилась в США, где у них были налажены связи с тамошними масонами. Вскоре они полностью узурпировали власть в этой стране. Вторая часть специального отдела захватила господство в мусульманском мире. Многие удивляются, узнав, что Басаев и другие чеченские боевики имеют еврейское происхождение…

Дальше докладчик продолжал в том же духе. Сиверов вспомнил завет полковника (изображать дурака, но не стать таким на самом деле) и, закрыв глаза, полностью отрешился от происходящего.

Когда речь закончилась, ведущий конференции пригласил присутствующих задавать вопросы. Не дожидаясь очереди, с места вскочил какой-то лысый бородач в черной рубахе с орнаментом и заголосил:

– Вы, господин Васильев, ошибаетесь. К сожалению, жертвой жидомасонского информационного заговора стал даже такой уважаемый человек, как вы. Ведь СС, как и все истинные бойцы за Великую Идею, не ставили себе целью уничтожение России. Отнюдь! Разве вы не читали секретных мемуаров Гитлера, где он признавал за нашей Родиной мировое владычество?

– Да, но что вы скажете о многочисленных русских, погибших от рук фашистов? – перебил его докладчик.

– Это ложь! – закричал чернорубашечник. – Это подлая, гнусная ложь! На самом деле у Великого Фюрера была секретная директива – не уничтожать русских. Жидовье там, цыган – пожалуйста. Но не русских! Это жиды выдумали сказку о миллионах убитых на советской территории. Хотя, если верить надежным источникам, за всю войну фашисты убили не больше двух тысяч русских…

Слепой больше не слушал. Вместо этого он осторожно, но внимательно разглядывал всех присутствующих. И очень скоро обратил внимание на то, что

двое бритоголовых ребят крепкого телосложения, сидевших на галерке, совсем не похожи на всю остальную публику. Их лица были сосредоточенными, но совершенно безучастными.

Оживились они после того, как ведущий объявил доклад Кондратьева. Парни вмиг отложили свои мобильники – они тайком играли во время других докладов, и теперь их взгляды были обращены на трибуну.

Кондратьев, слегка откашлявшись, начал с важным видом:

– Надо ли говорить о том, какую роль в русской культуре играет уникальный памятник нашей древней письменности – «Слово о полку Игореве»? Значение его в формировании нашей великой нации несомненно. И именно это заставило лжецов от религии сфальсифицировать шедевральное произведение.

Зал слушал его очень внимательно, и с разных мест порой доносились одобрительные вздохи.

– Как это произошло, спросите вы? – продолжал Кондратьев своим скрипящим голоском. – Да очень просто. Как пишут в наших учебниках, «Слово» было обнаружено исследователем Мусиным-Пушкиным в 1792 году. И уже тогда вызвало сенсацию в ученых кругах. Ведь те сведения, которые содержались в этом памятнике словесности, очень сильно отличались от общепринятых взглядов на древнюю русскую историю. Общепринятых и, заметьте, официальных. Сфабрикованных церковниками, всегда отчаянно сражающимися с проявлениями подлинно народного духа.

Поэтому найденная книга как будто бы исчезла. Исторические условия сложились благоприятно, чтобы скрыть следы преступления. В 1812 году Москва горела, и «списать» каких-то пару страниц в такой суматохе – дело простое.

Но весть о находке уникального произведения уже разошлась далеко, по всей Руси, и заставить забыть о нем было бы нелегко. Тогда масоны, управлявшие двором Екатерины Второй (всем вам, наверное, известно, кто неизменно входил в число ее фаворитов) решают создать новую версию «Слова о полку Игореве», слегка отредактированную. Именно ее мы с вами и изучали в школе.

Народ почитал эту фальшивку и успокоился. Естественно, она не пробудила в нем жажду поиска Исконного Знания, возвращения к правде своей нации через все эти вековые напластования лжи. Правда, некоторые ученые не раз указывали на разные несуразицы, связанные с этим памятником. Отсюда даже появилась мысль насчет того, что «Слово о полку Игореве» было сфабриковано в конце 18 века. И мысль, как мы видим теперь, совсем не безосновательная.

О чем же может поведать нам настоящее «Слово о полку Игореве»? Сравнивая две версии – подделку и обнаруженный недавно оригинал, можно легко прийти к выводу, что фальсификаторы большим умом не отличались. Они не стали серьезно переписывать древний памятник – это было им решительно не под силу. Поэтому там остались имена наших исконных богов. То ли совести, то ли умения не хватило, чтобы закрасить их краской забвения.

Однако лейтмотив, сама идея «Слова о полку Игореве» были изменены до неузнаваемости. В фальшивке речь идет о христианских князьях, которые борются с язычниками (на этом основании некоторые досужие ученые делали ошибочный вывод, будто язычество оказало влияние на поэтику автора, но не на его мировоззрение). Но на самом деле…

На самом деле, как мы все прекрасно знаем, крещение Руси в 10 веке было полной профанацией. Как бы враги огнем и мечом ни продвигали новую веру, русский народ активно сопротивлялся ей. Князья, вся знать были приверженцами родной религии – вплоть до 15 века, когда под влиянием Великого княжества Литовского христианство все-таки стало укрепляться.

И в самом «Слове о полку Игореве», в настоящем «Слове о полку Игореве», как раз и повествуется о сражении русских князей с наглыми миссионерами – предположительно иудейского происхождения. Кончается этот замечательный памятник словесности, насыщенный отсылками к Ведам и скандинавской мифологии, призывом к единению всех народов, исповедующих, как там сказано, «Древние Знания», на борьбу против христианского нашествия.

Но после того, как ложь все же восторжествовала на нашей земле, памятники великой русской культуры стали нещадно уничтожаться. Порой новые хозяева могли отделаться лишь «косметическим» ремонтом. Можно было легко переделать древнее капище в православный храм, как это было с Дмитриевским собором во Владимире и десятками других культовых сооружений славян. Но вот с письменностью дело обстояло иначе. Изменить ее невежественным попам

оказалось намного сложнее. Ведь из песни слова не выкинешь.

И тогда запылали костры по всей Руси, и горели на них наши древние книги. Вот почему так мало сохранилось памятников древней письменности. Вовсе не татары в этом виноваты – нет! Более того, есть все основания предполагать, что как монголо-татарское нашествие в народной памяти, искаженной фальсификаторами, отразилась насильственная христианизация Руси некими иудейскими народами…

Публика ликовала. Этот пожилой мужчина буквально гипнотизировал своих слушателей. Естественно, ни у кого даже сомнения не возникало насчет истинности его умопостроений.

«Да, сказки он прямо мастерски рассказывает, – подумал Глеб. – Сам начинаешь верить».

На каких-то пару минут он отвлекся, раздумывая об этом психологическом феномене.

Но вдруг знакомый звук, едва различимый даже в царившей на конференции тишине, мигом привел его в чувство.

Это был выстрел из винтовки с глушителем.

Глеб резко поднял голову. В этот миг тело докладчика уже медленно опускалось на пол, все еще вздрагивая в конвульсиях. Никто из присутствующих еще не понял, что произошло.

Сиверов огляделся и постарался собраться с мыслями. Определенно, стреляли не из зала. Как открывались двери, он тоже не слышал. Значит…

Обернувшись, Глеб посмотрел вверх. И тут же заметил несколько отверстий в стене – там располагалась рубка киномеханика. Идеальное место для снайпера!

Сиверов мигом вскочил со своего кресла и бросился к выходу. Если этот парень еще там, его можно будет взять по горячим следам.

Толкнув дверь ногой, Глеб выскочил в холл. В этот миг он даже позабыл о том, что при нем не было оружия.

Наверх вела широкая мраморная лестница. Железная дверь в каморку киномеханика была закрыта на защелку. Взломать ее было, наверное, возможно, но… Слепой понял, что делать этого не стоит. Во-первых, можно легко нарваться на пулю, а во-вторых…

Скорее всего, из будки есть другой выход, с противоположной стороны. Вряд ли этот снайпер – явно профессионал своего дела – стал дожидаться погони в такой ненадежной крепости. Похоже, он давно уже сделал ноги.

Значит, встретиться с ним можно только на улице. И то если повезет.

Глеб со всех ног бросился обратно. Но внизу, в холле, его уже поджидал юнец со свастикой – именно тот, который не пускал его в здание.

– А ну стоять! – заревел он, бросаясь наперерез.

Не снижая темпа, Слепой сбил его с ног резким ударом в колено. Через пару мгновений Глеб уже открывал стеклянную дверь, ведущую на крыльцо.

На улице к тому времени стемнело. Моросил мелкий неприятный дождик. Это значило, что следов не останется.

Слепой побежал вдоль здания, отыскивая другие выходы. Обогнув Дом культуры справа, он увидел неприметную дверь, к которой вели ступеньки. Рядом с ней была маленькая площадочка для парковки машин – теперь совершенно пустая.

Правда, еще совсем недавно здесь стояло одно авто. Как раз сейчас неприметный «жигуль» на всех парах выруливал на улицу. И догнать его не было никаких шансов.

Глава 6

Адрес аукционного дома «Золотой лев» уже знали все журналисты. Еще совсем недавно никто о нем решительно ничего не знал, а теперь…

Пресса стекалась туда уже во второй раз за неделю. Ведь для этого снова нашелся стоящий повод. Приглашение на «экстренную пресс-конференцию» по поводу трагической смерти знаменитого ученого Александра Кондратьева было сложно отвергнуть. Об этом случае говорили все.

Это было не просто убийство. Это было убийство при множестве свидетелей. Убийство, запечатленное видеокамерой одного из присутствующих. Кадры, на которых умирал Кондратьев, неоднократно появлялись в телеэфире. А сам ученый вдруг обрел славу героя-мученика.

Но такие обстоятельства делали это преступление еще более загадочным. Без ответа оставался главный вопрос: кто и зачем убил Кондратьева?

Впрочем, этот вопрос задавали себе далеко не все. Очень многие вполне довольствовались тем ответом, который предложил… сам убийца.

На месте преступления, в злополучной будке киномеханика, нашли листовку с огромным православным крестом. Этот клочок бумаги был первым, что обнаружили после того, как железная дверь была сломана прибывшей следственной группой.

В листовке говорилось, что нехристи должны умереть и что ради уничтожения врагов Православной Руси некое никому не известное братство святого Михаила Архангела не побрезгует никакими средствами.

Естественно, что все это слишком походило на подлог. Но для многих легенда показалась вполне убедительной.

Православная Церковь тут же выступила с заявлением, что никакого отношения к убийству она не имеет. Но, конечно же, мало кто ей поверил.

К тому же, кроме этой листовки, в будке не было обнаружено решительно ничего интересного. Ни отпечатков пальцев на рукоятке брошенной там же винтовки, ни следов на ковре – хотя на улице стояла грязная осень.

– Да-а-а-а, – удрученно вздохнул известный московский криминалист майор Федорин.

И следователи сразу поняли: хорошего не жди.

– Ну что вы скажете? – спросил все же один из них.

– Профессионал работал, – кратко ответил майор. – Не то что вы.

Пропустив оскорбление мимо ушей, кто-то из присутствующих обратился за разъяснениями.

– Да что тут говорить, все и так понятно, – процедил сквозь зубы Федорин. – Дело было грамотно спланировано, расписано посекундно. И работал убийца четко, слаженно, без проволочек. Знал, когда ему надо стрелять, куда отступать. Короче… Какие выводы мы из этого сделаем?

– Не знаю, товарищ майор.

– Знаешь, знаешь, – развел руками тот. – Глухарь у вас затокует, вот что.

И действительно, милиция и простые обыватели сходились во мнении, что это преступление так и не будет раскрыто. Как и почти все нашумевшие заказные убийства.

…Небольшой зальчик аукционного дома снова был полон. Обстановка там за прошедшие пару дней не изменилась. Правда, теперь на том месте, где в прошлый раз сидел Кондратьев, стоял траурный букетик цветов.

И Турбин, и миловидная ведущая были облачены во все черное. Пресс-конференция началась с минуты молчания в память об ученом. Потом директор аукционного дома зарядил свою речь.

– Судя по всему, какие-то силы пытаются помешать проведению аукциона, – с серьезным видом вещал он. – Практически каждый день мы получаем новые угрозы. Кто-то без конца звонит в офис и требует, чтобы аукцион был отменен. Думаю, эти же люди убили замечательного ученого.

В зале определенно чувствовалось волнение. Многие до конца не верили в историю с этим «Словом», но, повинуясь всеобщему настроению, даже прожженные и слегка циничные журналисты были готовы расплакаться.

– К счастью, есть влиятельные люди, которые способны защитить нас от царящего вокруг произвола, – продолжал Турбин. – Например, известный политик и бизнесмен Виктор Петрович Рыхлин.

Кивком головы он указал на кандидата в депутаты, сидевшего в первом ряду.

– Виктор Петрович, если у вас есть желание, можете изложить свое видение ситуации. Думаю, ваше мнение будет всем интересно, – предложил Турбин.

Рыхлин встал с кресла, величаво расправил плечи и вышел к столу, за которым сидел Турбин. Говорил он недолго – минут пятнадцать.

– Имя великого ученого значит многое для русского человека. Гарантирую, что я приложу все силы, чтобы это преступление было раскрыто. Надеюсь, что время, когда убийцы, воры и криминальные авторитеты свободно разгуливают по столице, должно пройти…

И все в таком духе. Под конец он, конечно же, поделился своими планами насчет покупки книги.

Потом снова заговорил Турбин. Его слова попали во многие репортажи.

– А сейчас, – с серьезным и скорбным видом сказал он, – мне хотелось бы сказать несколько фраз тем, кто изо всех сил препятствует нам, препятствует всему русскому народу обрести свою истинную историю. Всем, которые, как инквизиторы, выступают против правды. Знайте: вам не сломить наш дух. Сколько бы вы ни старались.

– Скажите, так а… состоится ли аукцион? – задал вопрос один опоздавший журналист.

– Безусловно! – воодушевленно заверил его Турбин. – Безусловно! Теперь мы просто обязаны его провести – в память о нашем великом ученом, павшем от рук

врагов правды.

…Поскольку пресс-конференция в этот раз имела траурный характер, без фуршета вполне можно было обойтись. Для Турбина это значило многое – денег на щедрое угощение для журналистов у него просто бы не нашлось.

* * *

Резонанс, который вызвало убийство Кондратьева, был неслыханный и в некоторой мере даже необъяснимый. Обстановка в стране накалялась. В центре Москвы постоянно проходили какие-то митинги и пикеты. Лозунги, которые можно было увидеть там, порой шокировали.

Скажем, небольшая группка граждан, толпившихся возле Генеральной прокуратуры, требовала отставки ее главы.

– Люди, которые не могут спасти русского человека от сионистского заговора, должны уйти из власти, – кричал в мегафон делового вида мужичок с портфелем, подзадоривая пикетчиков. – Давайте скажем вместе: позор вам, продажные служители закона! Па-зор, па-зор…

Ему вторило несколько таких же крепких молодцев.

Были и случаи более серьезные. После того, как по одному телеканалу показали известного историка, который заявил, что теории Кондратьева безосновательны, автора сюжета избили в подъезде скинхэды.

И хотя один из них, молотя своими берцами лежащего в луже крови человека, приговаривал: «Привет тебе, жидяра, от Союза русского народа», милиция решила замять это дело. По крайней мере до поры до времени.

А в Астрахани некие молодчики ночью осквернили церковь. На ее белых стенах появились надписи: «Смерть убийцам великого волхва Кондратьева», «Хрюсы, убирайтесь вон!» и «Боги славян возвращаются».

Одним словом, версия о том, что кто-то задумал все это для дестабилизации ситуации в обществе, подтверждалась. О чем постоянно писали умные

аналитики в солидных московским газетах.

Но простой народ таких газет не читает.

* * *

– Да, Глеб, опростоволосился ты. Прямо будем говорить: лоханулся.

– Сами знаете, Федор Филиппович, и на старуху бывает проруха, – потупил глаза Слепой.

Повисла долгая пауза.

– Хотя, конечно, вины твоей нет, – немного подумав, вдруг смилостивился Потапчук. – Кто же знал, что они так сработают…

– «Они» – звучит загадочно, – произнес Глеб.

– Еще бы! Загадочнее не придумаешь. Похоже, игру они сложную затеяли, это спору нет.

– Ну, в плане исполнителя все понятно, а вот…

– Согласен! Не оскудела еще на киллеров земля русская.

– Да и с заказчиком все понятно… Можно легко вычислить, кому это надо.

– Ну и? – ехидно улыбнулся Федор Филиппович. – Просвети меня, старого дуралея.

– Понятное дело, что в первую очередь в этом заинтересован именно аукционщик, – Глеб стряхнул пепел со своей сигареты. – Очередной повод привлечь внимание. Соответственно и цена вырастет.

Генерал на секунду замер, сосредоточенно глядя собеседнику прямо в глаза. Потом он тихо заговорил:

– Так ты что, всерьез думаешь, будто эту подделку станут продавать?

– Но… Почему бы и нет?

– Хм, вот наивный!

– Федор Филиппович, объясните дураку.

– Ну продавать ее, может, и будут, но пойми ты: не в этом соль! Нам надо понять, кто за этим стоит, – грозно изрек Потапчук.

– Вы все темните и темните. А я парень простой.

Генерал еще раз хмыкнул и промолчал. Глеб знал, что за годы работы в органах Потапчук приобрел то, что обычно принято называть «профессиональным чутьем».

Но Слепому казалось, что его кандидатура была для такого дела не слишком подходящей. Глеб не разбирался в сложных подковерных интригах. Он привык к работе иного рода. И российской политикой интересовался не больше рядового обывателя.

Поэтому многозначительные намеки генерала не вызвали в нем решительно никакого чувства.

– Кстати, там какой-то Рыглов объявился, знаете? – Слепой решил нарушить затянувшееся молчание.

– В смысле, Рыхлин? Знаю, конечно. Известный человек. Тертый калач. Бывший авторитет, ныне бизнесмен, меценат и все такое. Кандидат в депутаты.

– То есть «Слово» он неспроста покупает?

– Естественно. Однако… мелковат он будет для этой истории. Узнать бы, кто за ним стоит.

Глеб подумал, что совсем необязательно кто-то за кем-то должен стоять. Но вслух ничего не сказал.

– Кстати, а как там следствие идет? – спросил он, чтобы сменить тему разговора. – Может, милиция что-нибудь выяснит?

– Да никак оно не идет, дело понятное. Шмонают теперь этих фашистов, думают, что можно какие-нибудь концы отыскать.

– И, кстати, не зря. Убежден, что без помощи кого-то из них киллеру было не обойтись. Ведь он спокойно попал в здание, залез наверх, подготовился к работе…

– Ты имеешь в виду того вышибалу, о котором докладывал?

– Ну, хотя бы его… Я там его стукнул нечаянно, если помните. Он мне дорогу перекрывал.

– Насчет этого типа ты прав, – кивнул Потапчук.

– Так, может… с ним поработать?

– Вряд ли. Исчез парень. С концами.

– Пусть бы милиция поискала. Можно ведь фоторобот составить.

– Ни в коем случае! – Федор Филиппович повысил голос. – То, что он исчез, даже и хорошо. Для тебя.

– Не понял.

– Глуп потому что. Ты ведь у нас главный подозреваемый, не так ли? – ехидно улыбнулся генерал. – Хочешь по делу пойти, показания давать?

Слепой все понял. И действительно, если бы этот вышибала оказался парнем поумнее, он не стал бы сматываться, а вместо этого с честным лицом указал бы на Глеба.

– Мне тебя еще из всяких передряг не хватало вытягивать?! – возмутился Потапчук. – Хочешь морду свою засветить?

– Но все равно… Узнать бы об этом охраннике побольше.

– Уже узнал, – улыбнулся Федор Филиппович. – Наша агентура сообщила, что появился он там недавно. Стал членом отряда самообороны. Конференцию, между прочим, сам охранять вызвался.

– Кто бы сомневался? А как звать его, выяснить удалось?

– Ну, обижаешь… Фамилию он, конечно, придумал, но… К счастью, фотка одна сохранилась. Спасибо ментам с их картотекой. Это их клиент был когда-то. Сергей Крапивин, Крапива погоняло. Привлекался за рэкет в 1997 году. И кстати, знаешь, где он одно время работал?

– Очень интересно.

– В службе безопасности того самого Рыхлина! – произнес Потапчук с торжествующим видом.

– Ого!

Глеб ненадолго замолчал, собираясь с мыслями. Потом произнес:

– Все ясно. Сегодня же им займусь. Думаю, найти мне его удастся быстро, а расколоть – и подавно.

– Но-но! – вскрикнул генерал. – Поаккуратней! Я-то уж знаю, что по части «расколоть» ты мастер, однако… Держи себя в руках!

– Так это же проще простого! – с досадой сказал Глеб. – Найду кого-нибудь из той самой службы, возьму за жабры…

– Перестань! – возмутился Потапчук. – Забудь пока о своих методах. Еще не знаешь, во что ввязался, а уже начинаешь шустрить.

Слепой пригорюнился. Он привык к полной самостоятельности.

Хотя спустя всего минуту Глеб и сам понял, что его мгновенно сложившийся план был вовсе не идеальным. Поэтому на Потапчука он не злился.

Глава 7

Заседание избирательного штаба Рыхлина проходило все в том же ресторанчике у несуществующего Жоры. Сегодня претендент на думское кресло собрал всю свою команду.

Поскольку он прекрасно понимал, что выборы – штука тонкая, то решил по возможности обойтись без помощи братков. И обратился к профессионалам. В смысле, к профессионалам по части избирательных трюков.

Напротив Рыхлина за журнальным столиком сидел Егор Павленский – политтехнолог, оценивший свои услуги по странной таксе «пятнадцать долларов в час». На прошлых выборах он «толкал» одного коммуниста.

Коммунист не прошел, но Павленский смог так убедительно объяснить причину провала, что был зачислен в штат.

Рядом, развалясь в кресле, потягивал джин-тоник пиар-менеджер Коля Шутов. На его молодой башке красовались дреды, а на лице – явные следы «вчерашнего».

– Что, Коля, опять нажрался, да? – недовольно поморщился Рыхлин.

– Да нет, Виктор Петрович, что вы! – Шутов одним махом допил прозрачную жидкость. – Сходил со своим бой-френдом в один клуб и кислоты там с водкой смешали.

«Да я бы вас, петухов, своими руками задушил», – подумал Рыхлин. Но выразил свое отношение к сексуальной ориентации сотрудника всего лишь неопределенной гримасой.

Этого пацана ему посоветовали «грамотные братаны». И сказали, что он спец в плане политкреатива, особенно как обдолбается. Да и менять коней на переправе не стоило. Ведь избирательная кампания уже началась.

Зато юрист у них был своим человеком. Когда-то Женя Топило помог Рыхлину в одном важном дельце. Да и вообще, он уже давно сотрудничал с клиентами вроде Виктора Петровича. И даже спас многих от неминуемой отсидки.

– Ладно, ребята, давайте бакланить, – почти пропел Рыхлин. – Ну что там у вас?

– Сегодня, Виктор Петрович, нам надо обсудить следующие вопросы, – затараторил лысоватый политтехнолог. – Во-первых, следует артикулировать механизм повышения лояльности к вам со стороны электората…

– Слышь, а по-русски ты можешь?

– Простите? – деланно улыбнулся Павленский. – Что?

– То, что слышал. Не боись, я тебе бабла меньше платить не буду, если ты со мной по-русски станешь разговаривать.

Политтехнолог покраснел. Ведь и вправду он изъяснялся мудрено именно для того, чтобы набить себе цену.

– Хорошо, – выдавил из себя он. – Сегодня мы будем говорить о том, как бы это вам, Виктор Петрович, вызывать больше доверия у избирателей.

– И что вы предлагаете?

– Ну, во-первых, надо еще поработать над вашим имиджем, – ответил Павленский. – После первой встречи с избирателями – помните, в школе? – я побеседовал с некоторыми людьми. Так вот… Мои предположения и

социологические исследования, которые мы проводили, полностью подтвердились. Вам надо быть скромнее.

– Не поал, – покачал головой кандидат в депутаты, отхлебнув из чашки чифиря.

– Первый момент – одежда, – Павленский стал загибать пальцы для пущей убедительности. – Избиратели – а преимущественно это домохозяйки, – не очень оценили ваше кожаное пальто и сапоги-казаки.

– Но ведь я забашлял за это пальто пять штук баксов! – воскликнул Рыхлин.

– Вот именно, – глубокомысленно кивнул головой политтехнолог. – Лучше будет вам сменить его на обычную кожаную куртку… Ее можно купить на рынке. Костюмом стоит обзавестись в каком-нибудь скромном бутике.

– Так что, я буду на какой-то толкучке одеваться? – возмутился претендент на думское кресло.

Тюремные лишения привели к тому, что он беззаветно полюбил шикарные вещи. И был готов выложить пару тысяч долларов даже за какой-нибудь мелкий аксессуар вроде барсетки.

– Но, сами понимаете… – примирительно пробормотал Павленский. – Так будет намного лучше для вашего рейтинга. К тому же в Москве вы можете ходить в своей любимой одежде – все равно во Владимире этого не узнают. А вот появляться на публике желательно в вещах приличных, но не вызывающе дорогих.

Что повлияло на решение Рыхлина баллотироваться именно во Владимире, он и сам толком не знал. Может быть, знаменитая песня Миши Круга, а может, и то, что о Владимирском централе он узнал вовсе не из нее.

– Так что, может, мне вообще в лохмотьях надо ходить из секонд-хэнда? – недовольно проворчал он.

– Нет, Виктор Петрович, ни в коем случае! – запротестовал Павленский. – Это тоже будет восприниматься избирателем крайне негативно. Здесь важно

придерживаться принципа золотой середины. Ведь вы, с одной стороны, приличный мужчина, состоявшийся в жизни человек, а с другой – не какой-нибудь зажравшийся нувориш, с которыми вы, согласно своей программе, будете эффективно бороться.

– Что ж, согласен, – после недолгого раздумья изрек Рыхлин.

– Вот и хорошо. Я сам поеду на рынок и по магазинам и выберу наиболее подходящие для вашего имиджа вещички. Только надо будет снять мерки…

– Ладно, это потом, – поморщился Рыхлин. – А что еще?

– Еще надо бы заменить вашу машину. У некоторых людей сформирован устойчивый отрицательный стереотип относительно иномарок – особенно представительского класса. Во время кампании вам лучше будет ездить на «Волге».

– Угу, – еще больше расстроился Виктор Петрович.

– Кстати, супер будет, если эта машина как-нибудь сломается, – подал голос Коля. – Тогда Виктор Петрович сам ее починит, при большом скоплении избирателей. Типа, кандидат, который все умеет и не чурается любой работы.

Павленский погрузился в глубокие раздумья. Сам Рыхлин решил пока воздержаться от комментариев.

– Что ж, мысль неплохая, – произнес политтехнолог. – Такой эпизод во время кампании действительно может иметь место. Но…

– В смысле?

– Есть один нюанс. Дело в том, что такой важный человек, как Виктор Петрович – руководитель фирмы там, и все такое, – должен ездить с водителем.

– Тем лучше, – хлопнул в ладоши Коля. – Тогда мы так сделаем. Водила полез чинить машину, но… с работой не справился. А вот Виктор Петрович… Вышел и сам все сделал. Одним словом, мастер на все руки.

– А вот это идея! – воскликнул Павленский. – Браво, Коля, браво!

* * *

– Ну, Павел Семеныч, доложите обстановку.

– Похоже, она более чем благоприятная. Особенно после того, как я дисквалифицировал этого «яблочника».

Разговор происходил в роскошном подмосковном особняке. Когда-то его выстроил для себя один член Политбюро, но лишившись работы, был вынужден его продать.

Благо и покупатель быстро нашелся. Бывший комсомольский чиновник Клинов как раз подыскивал себе подходящее жилище. К тому времени он уже был мясным магнатом в Москве, деньжата у него водились. И комсомолец стал наследником всей этой «пошлой роскоши», сосредоточенной на четырех этажах дворца, построенного лучшим московским архитектором по индивидуальному плану.

Теперь Клинов решал свои деловые вопросы исключительно здесь, в бывшем зале для тайных заседаний, мраморный пол которого помнил еще грузную поступь престарелого Леонида Ильича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/voronin_andrey/slepoy-odin-na-odin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити